

Меир Ландау

*Барон с улицы
Вернон.
Призраки
Чугуева*

книга вторая

Меир Ландау

**Барон с улицы Вернон.
Призраки Чугуева. Книга вторая**

«Издательские решения»

Ландау М.

Барон с улицы Вернон. Призраки Чугуева. Книга вторая /
М. Ландау — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969120-0

«Призраки Чугуева» — это вторая книга трилогии «Барон с улицы Вернон». Роман повествует о событиях февраля 1912 года, произошедших до посадки барона Виктора фон Готта на «Титаник». Февраль 1912 года, Виктор фон Готт, офицер военной разведки Морского генерального штаба расследует исчезновение инженера Полежаева в заштатном городе Чугуеве. В ходе следствия он и его группа вступают в противостояние с немецкими диверсантами, заброшенными из 1942 года, цель которых — будущий советский разведчик.

ISBN 978-5-44-969120-0

© Ландау М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Глава 10	46
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Барон с улицы Вернон. Призраки Чугуева

Книга вторая

Меир Ландау

*Жандармским и полицейским чинам Российской Империи,
посвящается...*

© Меир Ландау, 2019

ISBN 978-5-4496-9120-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-4658-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ФРАНЦИЯ; ПАРИЖ; ОСЕНЬ 1941 ГОДА

Осенний утренний дождь слегка примочил асфальт и молодой курсант в эсэсовском мундире, кутаясь в лёгкий плащ, даже мог видеть своё расплывающееся в лужах отражение.

Он прошёл вдоль сквера, срезал путь через площадь и запрыгнул на трамвай, подцепившись за поручни. Так он постоял, глядя на убегающие позади дома, улицу, скверик и гуляющих по аллее незнакомых стариков. Потом, зайдя в вагон, он присел на свободное место и надвинув на глаза фуражку, казалось, задремал.

Трамвай проехал три остановки.

– Молодой человек, я вижу вы уставший и дома явно расстроенная мама? – услышал курсант голос и словно проснулся.

Над ним стоял офицер, тоже в мундире СС.

– Мама дома ждёт к обеду, раз десятый греют суп... – стихами ответил курсант, равнодушно глядя на офицера.

– Киев прекрасный город, – кивнул офицер и присел напротив, – увлекаетесь Булгаковым? – спросил офицер.

– Есть немного, – улыбнулся курсант, достал из плаща книгу и протянул её офицеру, – «Белая Гвардия», – как-то восторженно сказал он, – замечательная книга! Не читали?

– Имею с дарственной подписью от автора, – взял книгу офицер, – но знаете ли, давно не видел этих строк! Вы не будете против, если я позаимствую её у вас на вечер? Вспомню, знаете ли, голос моего друга?

– Берите, господин штурмбанфюрер, – улыбнулся курсант, – отдадите когда посчитаете нужным.

– Спасибо, Юра, – кивнул человек и глянул в окно, – ну, прощу прощения, моя остановка. Кланяйтесь Елизавете Юрьевне от меня.

Офицер сошёл на остановке. Курсант, Юра, посмотрел на него через окно, усмехнулся и откинулся на спинку. Теперь, он уже весело разглядывал пробегающую за окном улицу...

...спустя пару часов...

Начальник диверсионной школы молчал, хотя был вне себя от ярости. Он вытирал пот со лба и глядел на пустой, открытый сейф под столом. Его адъютант стоял рядом и молча тупил взгляд, часто поглядывая на своего начальника

– А он сейчас приедет, – повторял начальник школы, – кто сюда имел доступ? – глянул он на адъютанта.

Адъютант только пожал плечами.

– Вы не знаете кто имел доступ к хранилищу фотокопий архива школы? – посмотрел начальник на адъютанта.

– Только двое, – проговорил адъютант.

– Хотите угадаю? – одел фуражку начальник, – Вы и я?

– Никак нет, господин штандартенфюрер, – ответил адъютант, – я Вас не считаю. Кроме меня и Вас, ещё штурмбанфюрер Кузмин-Караваев.

– Где штурмбанфюрер Кузьмин-Караваев? – посмотрел на адъютанта начальник.

– Вчера убыл с инспекцией учебной базы в Бельгии, – ответил адъютант.

В коридоре послышались тяжёлые шаги и скрип сапог.

– Ну вот и всё, он идёт, – посмотрел на двери начальник школы.

В дверях появился человек в широком плаще с петлицами группенфюрера. Он остановился, посмотрел на начальника школы, адъютанта и глянул на сейф.

– И что тут произошло? – спросил группенфюрер.

– Похищен архив школы, – ответил начальник.

– Вам не кажется, что для архива, это слишком маленькое хранилище? – указал на сейф группенфюрер.

– Тут были негативы фотоплёнок, с перефотографированными документами, самыми важными, – ответил начальник, глянув на него в ответ.

– Да? – удивился группенфюрер, – и чья это была дурацкая идея, всё переснять и запереть под столом у секретаря?

– Штурмбанфюрера Кузьмина-Караваева, – ответил, посмотрев на открытый сейф, начальник школы.

– И где он, Кузьмин-Караваев? – спросил группенфюрер.

– В Бельгии, – развёл руками начальник.

– Это всё, господин штандартенфюрер, – глянул на начальника группенфюрер, – так говорите, штурмбанфюрер Кузьмин-Караваев в Бельгии?

– Он инспектирует нашу учебную базу, вместе с генералом Туркулом... – начал было отвечать начальник.

– Генерал Туркул прибыл сюда со мной, – ответил группенфюрер, – и у него не было запланировано никаких встреч. Тем более, у него не было запланировано встреч с штурмбанфюрером Кузьминым-Караваевым, штандартенфюрер. Потрудитесь объяснить, как к Вам попал Кузьмин-Караваев и чем он тут занимался.

– Кузьмин-Караваев, имел рекомендации от генерала Скородумова. Эти рекомендации безупречны, – ответил начальник.

– Где эти рекомендации? – глянул на адъютанта группенфюрер, – генерал Скородумов арестован гестапо и уже месяц сидит в камере, на Принц Альбрехт-штрассе, в Берлине! И его допрашивает РСХА!

– Были тут, вместе с негативами всего нашего архива, господин группенфюрер, – ответил адъютант.

– Понятно, – кивнул группенфюрер, – ушли все данные, на все подготовленные нами диверсионные группы. И проблема в том, что ушли они очень вовремя для большевиков. Как раз тогда, когда мы уже отправили эти группы в Россию и не имеем возможности их отозвать. А заодно, он подчистил, так сказать, всё что имелось на него самого.

Группенфюрер помолчал.

– Мы уже не успеем их отозвать, штандартенфюрер. Вы понимаете, что большевики, максимум через неделю, просто ликвидируют наше подполье и всех наших диверсантов у себя в тылу? Это называется полным разгромом не только вверенной Вам школы! Это полное поражение нашей борьбы!

– Понимаю, – опустил глаза начальник школы.

– И Вы понимаете, что Кузьмин-Караваев, был агентом большевиков? – глянул на него группенфюрер.

– Так точно, – тихо проговорил начальник школы.

– Получается, что Вы приняли на службу человека, – сказал группенфюрер, – которого не проверили соответственным образом. Приняли, лишь на основании непонятного происхождения бумаги от бывшего генерала, так же арестованного за связь с большевиками. И это, как мы видим, возымело последствия. Это ли не шпионская сеть? И как Вы думаете, что в результате потеряно?

– Наши группы? – посмотрел на группенфюрера начальник школы.

– Вы идиот, штандартенфюрер, – спокойно ответил группенфюрер, – если бы я Вас не знал многие годы, я бы расстрелял Вас, как соучастника. Он уничтожил двадцать лет наших трудов! Всё что мы делали, все адреса, явки, пароли, вся наша сеть в России... – группенфюрер

глянул на сейф и снова посмотрел на начальника, – что Вы имеете на Кузьмина-Караваева? За что можно зацепиться, чтобы его, по меньшей мере ликвидировать, если не удастся перехватить? Мне нужно хоть как-то оправдаться перед фюрером за Вашу безалаберность!

– Ну... – подумал начальник.

– Ну не молчите, быстрее думайте, штандартенфюрер! – проговорил группенфюрер.

– Тут учится его сын, – спас ситуацию адъютант, – правда его мать, княгиня Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, развелась с князем очень давно.

– Почему развелась? – кивнул адъютанту группенфюрер.

– Князь перешёл в католичество, – ответил адъютант.

– Люблю религиозные семьи, – усмехнулся группенфюрер, – они такие прочные и их так легко разбить!

– Да, Елизавета Юрьевна даже приняла постриг после развода. Но продолжает жить у себя дома, – вздохнул начальник.

– Значит, – посмотрел на начальника группенфюрер, – говорите, князь в Бельгии и встречается с Туркулом, который сейчас допрашивает ваших инструкторов тут, за стенкой? А сын учится тут же?

– Не думаю, что сын... – начал начальник.

– А Вы не думайте, а немедленно прикажите арестовать и привести ко мне его сына, – группенфюрер направился обратно к дверям, но в дверях он остановился и обернулся к начальнику, – и потрудитесь доставить сюда Елизавету Юрьевну, его мать, – сказал он, – а если начнёт упираться, то можете ей сказать, что она арестована по приказу группенфюрера Бориса Штейфона и будет доставлена лично к нему.

НОРМАНДИЯ; ОСЕНЬ 1941 ГОДА

Маленький трактир, стоящий на перекрёстке двух улиц небольшой деревни, на самом берегу моря, редко знал много гостей. Он оживился только с приходом немцев. Солдат, отсюда сразу выгнали офицеры, облюбовавшие уютный зал. За украшали огромные дубовые столы и такие же огромные лавки, головы чучел лосей и кабанов на стенах, и даже с висящая над баром шкура медведя.

Хозяин трактира был равнодушен к тем, кто тут пил и ел. Он, с мрачным лицом мыл и протирал пивные кружки и винные бокалы до немцев, и с таким же мрачным выражением на лице это продолжал делать при немцах. И только когда кто-то появлялся в трактире, он с улыбкой смотрел на гостя. Но едва гость делал заказ, и едва получал своё пиво, вино, гриль или бифштекс, трактирщик снова становился молчаливым и хмурым.

Человек средних лет, в плаще и шляпе, потягивал вино из бокала сидя за столиком у окна, любуясь на море за окном. Трактирщик поглядывал время от времени на этого посетителя, не отрываясь от дел. Казалось, что трактирщик сейчас протрёт кружки до самых дыр. В другом углу трактира сидели офицеры. Они вели себя тихо и их разговора было почти неслышно. Часто, их тихий разговор прерывался громким хохотом, на который ни человек, ни трактирщик, внимания не обращали.

В дверях зазвонил колокольчик. Двери открылись. Вошёл ещё один офицер.

– И какого чёрта тебя принесло? – проворчал трактирщик увидев эсэсовца.

Офицеры моментально замолчали и отвернулись, делая вид, что не заметили вошедшего. Эсэсовец направился прямо к стойке.

– Добрый день, – глянул он на трактирщика и улыбнулся.

Трактирщик, посмотрел как эсэсовец опёрся локтями на стойку.

– Чего желаете, господин офицер? – скривил свою дежурную улыбку трактирщик.

– Каберне совиньон, шестьдесят восьмого года, – спокойно сказал эсэсовец.

– К сожалению... – вмиг исчезла улыбка с лица трактирщика, которая сменилась удивлением, – совиньон этого года у нас закончилось. Могу Вам предложить фран, двадцать пятого. Трактирщик замолчал глядя на офицера.

– Пожалуй, я могу сам выбрать вино в погребе? – спросил офицер.

– Конечно, я провожу Вас, – удивлённо кивнул трактирщик, оставив пивную кружку. Проводив офицера в подвал, он вернулся и подошёл к сидящему у окна человеку.

– Там эсэсовец. И он спрашивал каберне, шестьдесят восьмого года, – шепнул трактирщик, почти наклонившись к нему.

Человек поправил шляпу, плащ и встал.

– Знаете, – громко сказал он, – пожалуй я тоже сам выберу себе вино, если Вы не против? – посмотрел он с улыбкой на трактирщика.

– Извольте, мсье, – улыбнулся трактирщик, – у нас хорошие вина! Я покажу Вам как спуститься в погреб.

Когда человек спустился погреб, он увидел что эсэсовец сидит за столом сняв фуражку.

Эсэсовец посмотрел на него, вздохнул и приветливо кивнул.

– Здравствуйте, мистер Флеминг, – улыбнулся офицер, – я князь Кузьмин-Караваев, – сказал он, – точнее, штандартенфюрер Кузьмин-Караваев, член РОВСа и координатор Движения Сопротивления среди русской эмиграции. По крайней мере, в РОВСе я ещё состоял со вчерашнего утра.

Флеминг прошёл и сел на стул напротив эсэсовца.

– Пожалуй нальём? – предложил он, – вдруг та пьяная компания, тоже захочет сама попробовать вина?

– Не против, – поставил на стол бутылку вина Кузьмин-Караваев, – я уже выбрал. Вы пьёте шампанское?

– Надеюсь, его не придётся экстренно открывать, – усмехнулся Флеминг.

– И так, вот то что просили, – протянул Кузьмин-Караваев книгу Флемингу.

– Книга? – взял книгу Флеминг, – просто книга?

– Это коробка с негативами, – ответил Кузьмин-Караваев, – там весь архив диверсионной школы. Я надеюсь, что мои сын и жена уже далеко от Парижа и поэтому могу быть спокоен.

– Вы понимаете, что Вы сыграли в «ва-банк» и не можете возвращаться в Париж? – посмотрел на него Флеминг.

– Понимаю, – кивнул Кузьмин-Караваев, – Вы можете предложить окошко для побега? – рассмеялся он.

– Да, – ответил Флеминг, – вам знаком барон Виктор фон Готт?

– Барон Виктор фон Готт? – удивился Кузьмин-Караваев, – полковник ещё жив? Ему должно быть семьдесят пять лет, не меньше!

– Ну, – улыбнулся Флеминг, – я конечно не уверен, что ему столько лет. Разве что он хорошо для них сохранился. Но капитан третьего ранга Виктор фон Готт, вполне молодой для семидеятипяти лет, просил Вам передать, что яхта «Сандауэр» и капитан Чарльз Лайтоллер уже ждут Вас, напротив Мон-Сен-Мишель.

Он помолчал.

– А я в Швейцарию, – улыбнулся он, – думаю, русские оценят ваш подарок...

Флеминг молча попрощался и вышел.

Кузьмин-Караваев открыл бутылку, налил себе в кружку вина и усмехнулся.

– Вот теперь мне всё понятно, – проговорил сам себе он...

Глава 2

РОССИЯ; ХАРЬКОВ; ФЕВРАЛЬ 1912 ГОДА

– Это же Мария Карловна! Это же графиня Квитка! А где же Семён Григорьевич? – раздался тихий шёпот по залу Дворянского Собрания, когда медленной походкой, в сопровождении своего камердинера вошла немолодая, но стройная и высокая черноволосая дама.

На вид ей можно было дать немногим более сорока лет. Графиня Квитка не привыкла к всеобщему вниманию и не любила оказываться в ситуациях, когда её персону была словно певичка на сцене перед зрителями. От назойливых поклонников она старалась уходить как можно быстрее и как можно дальше держаться от них, если таковые оказывались рядом.

Даже сейчас она шла так, словно бы зал был абсолютно пуст, стараясь не обращать внимания на тех кто шептался и поедал её глазами.

– Куда это её супруг запропастился? – услышала она позади себя чей-то шёпот и хотела было обернуться чтобы ответить, но сдержалась.

– Здравствуйте, господа, – вежливо поздоровалась она и присела в широкое кресло, которое уже более сотни лет занимал предводитель губернского дворянства, – Семён Григорьевич просили всем кланяться и передают, что пребывают в полном здравии не взирая на свой преклонный возраст. А так же сообщают, что находятся нынче в Борках. Там они готовятся к приезду Государя Императора. Стараются, чтобы и часовня и станция были готовы вовремя, к празднованию Трёхсотлетия Августейшего Дома.

Она посмотрела на всех сквозь очки.

– Ну что же вы, господа? – улыбнулась Мария Карловна дворянам, – сегодня буду предводительствовать я, – и где барон фон Готт? Отчего я не вижу его?

– Барон обещали быть к концу заседания, – ответил секретарь, вежливо кивнув Марии Карловне.

– Чудно, – с лёгкой улыбкой на лице, кивнула ему в ответ Мария Карловна, – тогда не будем терять времени. Его у нас мало и не хотелось бы это время тратить на пустые совещания. Мы точно знаем, что на Трёхсотлетие правления Августейшей Фамилии, которое будут отмечать в Харькове сразу после того как пройдут празднества в Москве и Петербурге, Его Величество Государь Николай Александрович, со своим Августейшим Семейством придут к нам...

Мария Карловна говорила недолго и её строгий взгляд, едва она переставала говорить, всегда молча останавливался на том кого она хотела бы заслушать. Как и всегда, ничего путного никто не сообщал, но графиня всегда слушала молча и не перебивая даже тогда, когда докладчик пускался в пустословие. Чаще всего так и было, но Мария Карловна понимала, что важно не выслушать внимательно. Важно, чтобы считали, что их внимательно слушают. Чем более пусты слова, тем более обидчив их говорящий. Иногда становилось скучно от них, но приходилось делать вид, что слова представляют интерес. А в голове у Марии Карловны поневоле проносились воспоминания, которые немного отвлекали и придавали смысл потерянному времени.

Мария Карловна была намного моложе своего мужа, который через три года уже готовился встретить семидесятипятилетие.

Семён Григорьевич граф Квитка, бравый, статный, красивый старик, ещё ходил на охоту, ездил верхом и поражал всех близких и дальних, своим крепким здоровьем и почти богатырской силой.

Крымская война, а после война с турками, не позволили ему жениться в молодые годы. Невеста, которой он даже и не знал, не дождалась его.

Глупо, но так оно и было.

Своего отца Семён Григорьевич помнил очень мало, потому что когда тот ушёл в мир иной, Семёну едва-ли исполнилось шесть лет.

В детстве, мама его ласково называла Вилли. И именно как Вилли его знали на маминей родине бабушка, дедушка и другие родственники. Но Семён Григорьевич помнил их ещё меньше чем отца, потому что никогда не видел их, на что он очень и очень надеялся.

Почему его звали так, именно Вилли, маленький Сёма, будущий граф Семён Григорьевич Квитка, не знал. Но маменька объяснила, что мол так принято у неё дома.

– Вот приедут бабушка с дедушкой, – сказала когда-то маменька, – и спросят у тебя, Сёма, а как тебя зовут? Ты скажешь, мол меня маменька и папенька называют Семёном! А они спросят у тебя, а где же имя твоего ангела-хранителя? Кому за тебя Боженьке молиться в нашей стране, где русские святые не слышат? А что ответишь им ты?

Уже потом, через много лет, когда хоронили маменьку, в маминых вещах Семён Григорьевич нашёл небольшой образок святого мученика, безвинно-убиенного отрока Уильяма Нориджского. Оказывается, что маменька молила о нём святого своей родины даже тогда, когда в Крыму, её сын штыки в штыки поднимался в атаки на английские цепи и шотландских стрелков...

Едва ли Семёну исполнилось десять лет, когда он узнал, что у него есть невеста. Точнее, ещё не невеста, а просто девочка на которой он должен будет жениться, когда станет взрослым. Он много раз спрашивал свою маменьку где эта девочка, и может ли он с ней подружиться хотя бы для того, чтобы потом не ругаться. Но, как оказалось, девочка эта жила очень и очень далеко, как ему объясняла маменька – «на далёком острове, где постоянно туман» и куда надо много дней и ночей плыть на корабле, чтобы с ней повидаться.

Семён рос. Поступил в Пажеский корпус. Потом стал офицером. К тому времени он уже знал, что его невеста живёт в Англии. А когда на бастионе Корнилова, Семён Григорьевич впервые увидел над вражескими рядами британские флаги, он понял что свадьба его переносится на очень неопределённое время. И непрестанно молил Бога о прощении, если бы вдруг ему довелось пролить родную кровь, лишить жизни какого-нибудь брата своей матери, или своего двоюродного брата... Но, следом за Крымской войной началась война с турками, и снова отставка и свадьба отложились.

После он не стал медлить. Старинный род надо было продолжать и престарелая маменька, уже ездившая в коляске, написала в Англию, чтобы наконец «отправляли для её Сёмушки невесту...». Сёмушка же, уже был почти седой и сколько пуль да осколков каталось в его теле, он уже и не считал.

Однако, его суженная, как оказалось, давно почивала в могиле. И с матушкиной родины прибыла совсем молодая племянница маменьки, красавица по имени Флоренс. Её крестили в православную веру именем Мария Карловна...

Разница в возрасте не помешала им родить шестерых сыновей. Четверо из них были двойнями. Один из старших уже был морским офицером, другой был военным врачом, а трое средних студентами. С этой студенческой троицей, пару лет назад случился скандал о котором до сих пор гудел весь Харьков. На прошлый Татьянин День, толпа гимназистов и студентов набедокурила в Покровском монастыре. Малолетние шалопаи вскрыли раку со святыми мощами. Кому-то из подростков стало интересно, правда ли что чудотворные мощи нетленны. И смельчаки полезли в святая-святых древнего собора, прямо на глазах у возмущённых богомольцев и монахов.

Престарелый граф Квитка дошёл до самой императрицы, чтобы всем этим хулиганам вменили самое мягкое из наказаний, которое только можно было им за это вменить. Но, история никак не хотела забываться. Поэтому, Семён Григорьевич решил отправить куда-нибудь подальше этих юных «богохульников» и похлопотал, чтобы пристроить своих оболтусов в экспедицию отправлявшуюся в Сибирь, на Алтай. «Отправил их в ссылку!» – как шутили друзья

и знакомые. А это и была натуральная ссылка. Сыновьям граф строго-настрого запретил приближаться к Харькову, а матери строго-настрого запретил даже писать им письма.

– Пока ума-разума не наберутся! – сказал Семён Григорьевич, а сам тайком плакал за сыновьями по ночам. А когда Мария Карловна заставляла его в унынии и со слезами на глазах, он оправдывался.

– Соринка в глаз попала, душа моя...

Самый старший из сыновей Марии Карловны, Пётр, или, как его ласково звала Мария Карловна – Питер, уже успел повоевать, тонул на крейсере «Дмитрий Донской» в Цусимском Сражении, но ни в какую не хотел переводиться на сушу, как матушка не настаивала, как не ругала его и сколько слёз не проливала.

А самый младший, самый любимый сын графини, названный в честь бабушки, Григорием, уже оканчивал гимназию и собирался отправиться куда-подальше из родного Харькова.

Графиня и сама была издалека. Но Харьков она полюбила. После тесных и многолюдных городков её пасмурной родины, солнечный и просторный Харьков, с добродушными своими жителями и приветливыми родственниками, и старенькой, давно покинувшей этот грешный мир тётушкой Анной, Марии Карловне даже полюбился.

С самых детских лет она привыкла всё делать только сама и надеяться только на себя. В доме не было прислуги кроме старушки-горничной да верного камердинера Леонтия Павловича, который был нужен был разве что для того, чтобы не раздражать взор местных дворян. «Для солидности», как выражались в светском обществе...

– Я слушаю Вас, господин Гулак, – наконец улыбнулась она маленькому пожилому человеку с Андреевской лентой через плечо и в пенсне.

– Капитолина Николаевна Минаева, – прокашлялся Гулак, – сообщает, что в Чугуеве готовы принять Государя, но только военные. Отремонтирован Путевой Дворец, плац приведен в порядок, а юнкерское училище побелено. Но часы по прежнему не идут, после того как в них попала молния. Государю покажут выставку художественных работ гимназистов местной гимназии...

– Ой не говорите мне об этой купчихе Минаевой! – отмахнулась Мария Карловна, – молния попала в часы ещё двадцать лет назад. И за двадцать лет у нее не нашлось денег, чтобы нанять часовых дел мастера! О том, как купчиха стала предводительствовать среди местного дворянства, это вообще возмутительная история! Но показательная, для того, чтобы понять о Чугуеве все, что надобно знать об их местных нравах. Где те шесть тысяч золотых червонцев, которые мой супруг выделил на ремонт здания их собрания? На них уже давно можно было бы даже не новый Путевой Дворец поставить, а второй Виндзор в Чугуеве возвести! Не уж то их не хватило, чтобы отремонтировать дом на Дворянской улице? К чему, надобно было что-то ставить в Головинском переулке?

– Очевидно, она решила направить деньги на новые проекты, более существенные, – проговорил Гулак, – Капитолина Николаевна привыкла быть деловой дамой.

– Поекты? – улыбнулась в ответ графиня, – я поняла бы, кабы она тракт поправила, или наконец-то начала строительство Делового Двора! Ну так с трактами у них еле справляется градоначальник Лубенцов, не прося у нас ни копейки и не побираясь на стороне. Или может, наконец возвела новое здание клиники для страждущих детей, как то задумывал барон Фридрих Францевич Файст? Он с ней не согласится. Зато у купчихи Зайцева появился новый особняк. Как раз в пору на той земле, что была выделена Минаевой под эту самую лечебницу. Что сказать? Минаева превосходно пишет отписки мне и Семёну Григорьевичу. И его светлости губернатору тоже. Отписывается так, что и упрекнуть ее не в чем. Его высокоблагородие подполковник Гречко, мне уже не раз докладывали о тех неблагоприятных делах, которые происходят в Чугуеве под покровительством Минаевой. Да и гласный городской думы, Николай Петрович Агнивцев, не менее недоволен. Он просил нас повлиять на местное дворянство, чтобы те

отстранили эту даму от предводительствования. Слишком много из дворянской казны, уходит в экономию самой Минаевой.

– Но ведь ее имение, недавно ограбили некие заезжие разбойники, – опустил Гулак глаза, – часть средств пошла на помощь ей и на восстановление ее экономики. Помощь пострадавшим дворянским семьям заложена в уставах нашего собрания.

– Ограбили, – кивнула графиня, – как раз в пору получения Минаевой тех самых шести тысяч золотых червонцев. Я помню, как госпожа Минаева долго не могла определиться с вопросом, сколько же машин для печатания у нее было украдено, две или три. Воры у нас стали печатниками? – усмехнулась она Гулаку.

Она немного помолчала.

– Разве вор будет брать машины для печатания? Сия сударыня поставила в зависимость от своей персоны купеческую гильдию и это она, а не Лубенцов, последнее время там правит городом. Неудивительно, что ее выбирают уже двадцатый год местные дворяне. Ей же должна половина всех помещиков уезда! Да и тут кое-кто, не правда ли? – окинула она строгим взглядом собрание.

– Наша семья, – добавила она немного помолчав, – жертвует чугуевскому собранию дополнительно тысячу рублей, в банкнотах, на приведение в порядок их здания и организацию встречи Государя Императора. Но средства эти не получит Минаева. Ревизором и ответственным, мы решили назначить дворянина Неклюдова. Кроме того, господа, на будущий год мы ожидаем в гости художника Репина и не хотелось бы чтобы сей великий сын Чугуева, застал дом и могилы своих родных в том виде, в котором они пребывают после заботы о них Минаевой. Ежели у кого имеется интерес, три дня назад я получила от него письмо из Финляндии. В нем он просит не устраивать пышных встреч по случаю его приезда именно в Чугуеве! Поскольку Илья Ефимович считает возмутительным видеть радостными лица тех, кто повинен в бедах и лишениях его близких и родных для него людей.

Глава 3

ЧУГУЕВ; ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ; ФЕВРАЛЬ 1912 ГОДА

Виктор задерживался не просто так и графиня Квитка прекрасно знала, что на собрании он не появится. И даже более того, она прекрасно знала, что в эти минуты он находился в Чугуеве. Вместе с начальником Чугуевского юнкерского училища полковником Адамом Фиалковским и старым профессором Валерием Чернаем, Виктор только что отобедал у престарелой княгини Кузьминой-Караваевой, когда за окнами послышались военные команды.

– Поспели в самый раз ребятушки! – улыбнулся, глянув в окно на улицу, полковник Фиалковский.

За окном топтались юнкера, а к широкой лестнице, ведущей прямо в гостиную, направился офицер.

– Я думаю, господин полковник, не будем замораживать господ юнкеров, – кивнул Фиалковскому Виктор и посмотрев на Кузьмину-Караваеву улыбнулся, – сердечно благодарим за гостеприимство, Елизавета Григорьевна.

– И ждем нашим маленьким семейством вашего скорейшего возвращения, Виктор Иосифович, – ответила ему Кузьмина-Караваева, – я думаю, к тому времени вы притомитесь и захотите отведать нашей наливки, которую мой покойный супруг с такой сердечностью готовил.

– Всенепременно, Елизавета Григорьевна, – ответил Виктор, – так кому Вы говорите, принадлежала та дача? – спросил он.

– Некому странному и нелюдимому инженеру Полежаеву, – словно вздохнула Кузьмина-Караваева.

– Знавал я одного Полежаева, инженера, – подумал профессор Чернай, – неглуп собой был, но немного странноват.

– В чем же заключались его странности? – усмехнулся ему Фиалковский.

Чернай, без малейших эмоций на лице, посмотрел на Фиалковского.

– Будущее за постоянным током, Адам Иосифович, – ответил Чернай, – и это ведомо каждому гимназисту. А Полежаев тот, слишком увлекся идеями того сумасшедшего американца.

– А кто из них не сумасшедший? – равнодушно сказал Фиалковский не глядя на Черная.

– Эдиссон! – уверенно ответил ему Чернай, – Томас Эдиссон! А все эти эксперименты Теслы есть ничто иное как фокусы и шарлатанство, господа. Его аппаратами разве что скот забивать, чтобы не мучился перед смертью.

– А где сейчас этот Полежаев? – спросил Виктор, посмотрев на Кузьмину-Караваеву.

– Смею заверить Вас, Виктор Иосифович, он просто пропал, – вздохнула Кузьмина-Караваева, – одного дня, в его окнах видели очень яркий свет.

– Вы хотите сказать – сияние? – уточнил Виктор.

– Точно, словно сияние, – согласилась Кузьмина-Караваева, – словно ангелы с неба пустились, не иначе.

– А шум был при этом? – снова глянул на Кузьмину-Караваеву Виктор.

– Никакого шума, – ответила Кузьмина-Караваева, – разве что переполох поднялся, и пожарные, и жандармы прибыли, в колокола звонарь бить начали, на церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

– А Полежаев? – уточнил Виктор.

– Пропал, – перекрестилась Кузьмина-Караваева, – был и словно весь сгинул. И свет пропал вместе с ним.

– Так ли и пропал? – удивился полковник Фиалковский.

– Святой истинный, – снова перекрестилась Кузьмина-Караваева.

В гостиную прошел офицер.

– Караул прибыл, ваше высокоблагородие, – коротко отрапортовал он Фиалковскому.

– Вот и ладненько, – кивнул офицеру Фиалковский, – поступаете в распоряжение полковника фон Готта. А я тихонечко за вами, по стариковски, поплетусь, – усмехнулся он...

Инженер Полежаев пропавший на днях, просто исчезнувший при очень странных обстоятельствах, снимал квартиру неподалеку от дома Кузьминой-Караваевой. Его дом стоял над слободой Осиновой, почти на самом обрыве. Оттуда, словно подарок открывался прекрасный вид на Донец и Малиновый Бор. А еще, вместе с этим прекрасным видом, и дом и двор щедро одаривались постоянным ветром, который, казалось, ни на минуту не стихал.

– Холодно, понимаешь, – кутался Фиалковский в солдатскую шинель, надетую поверх полковничьего мундира.

Они стояли возле узких дверей каменного одноэтажного дома, в которых, как правило, жили бывшие военные поселяне. Некогда аккуратно побеленный домишко, сейчас зиял дырами в штукатурке, а вдоль его стен валялись разбросанные дрова, старые ведра, битый камень и вообще что попало, кроме того что могло бы еще послужить хозяевам.

– Сразу видно, хозяин этот Полежаев был городской, не местный, – кивнул Виктор на беспорядок во дворе.

Фиалковский покачал головой, пнул сапогом лежащую на пороге колоду и дернул за ручку двери.

– Заперта, – указал он топтавшемуся рядом становому приставу, – ваша работа, господин сыщик!

Караул юнкеров, пританцовывая в своих попытках согреться, молча наблюдал за тем как становой пристав начал возиться у двери с отмычками.

– Отчего же Вы, полковник, свою шинель не надели? – усмехнулся Виктор полковнику Фиалковскому.

– Шутить изволите, господин полковник? – рассмеялся Фиалковский, – а еще у меня дома для тебя тулуп есть!

Продолжая смеяться, Фиалковский посмотрел на пристава.

– Чай не примерзли там, господин становой пристав?

– Готово, Адам Иосифович, – ответил тот.

Дверь щелкнула и поддалась.

Пристав отошел закулив папиросу.

К двери подошел Чернай и тихонько, словно боясь, отворил ее ступив в дом.

– Ну, так что же нам тут мерзнуть? – пошел за ним Фиалковский, позвав за собой Виктора и пристава, – прошу вас, господа! Не на клирос заходим! Милости прошу всех в гости к господину инженеру Полежаеву!

В доме был беспорядок, стену покрыл иней, а в открытой форточке сидел заблуждавшийся кот.

Кот громко мяукнул и спрыгнул на пол.

– Небогато живут наши инженеры, – вздохнул Фиалковский.

Чернай прошел на середину комнаты и окинул взглядом разнесенные ветром по столу и по полу бумаги, раскиданные инструменты и разный хлам.

– Что за чертовщина такая, – остановил он взгляд на небольшом странном приборе, одиноко стоящем на тумбочке у зеркала.

Чернай подошел ближе и хотел взять его в руки.

– Я бы не стал этого делать на Вашем месте, профессор, – остановил его Виктор.

– Что же Вас так напугало, полковник? – посмотрел на него Чернай.

Виктор подошел и присел возле прибора.

– Наш инженер занимался вопросами подвижного магнитного поля, а этот прибор, генератор этого самого поля, – указал Виктор на прибор, – и Бог его знает, как недавно он использовался!

– Подвижное магнитное поле? Остаточный ток? Лженаука и фантастические идеи, – усмехнулся Чернай, – ничего более! Вы хотите сказать, что этот вращающийся маленький кусок железа, способен породить то чего не существует в природе? Возможно он и может создать магнитное поле. Но вряд ли оно может нам угрожать. Оно очень даже небольшое. Что оно способно сделать? Притянуть швейную иглку?

– Дело в напряжении, профессор, – встал Виктор и подошел к столу, – Полежаева мы тут не видим, но зато имеем два десятка свидетелей странных явлений в этом доме, ровно тогда когда Полежаев исчез.

Виктор взял со стола тетрадь, бегло перелистнул несколько страниц и протянул ее Чернаю.

– Судите сами, профессор, – сказал Виктор, – инженер Полежаев стоял на пороге гениального для нашего времени изобретения!

– Бесперебойный источник переменного тока? – недоверчиво глянул Чернай на Виктора, – но это из разряда фантастики для гимназистов младших классов.

Он снова посмотрел в тетрадь.

– Жаль, что этот эксперимент стоил ему жизни. Он мог бы многое нам рассказать.

– Тела нет, – ответил Виктор и посмотрел на пристава, – если даже инженер Полежаев и погиб, то от него должно бы было что-то остаться, верно?

– Так точно, – ответил пристав, – удар током может уничтожить труп. Но должны были остаться следы сажи. А тут, нет и малейших признаков сожженного тела.

– То есть, вы хотите сказать, – вмешался Фиалковский, – что Полежаев жив и неизвестно где?

– Неизвестно когда, ваше высокоблагородие, – ответил Фиалковскому обомлевший Чернай и показал запись в тетради, – этот сумасшедший инженер говорит об изысканиях какого-то англичанина, своего английского коллеги.

– Какого коллеги? – изменился в лице Виктор, – какого коллеги, Валерий Федорович?

– Я... я не знаю, – пожал плечами Чернай, – обычно, душевнобольные физики ссылаются на Теслу, но тут упоминается имя какого-то Гудвина...

– Покажите, – подошел Виктор и взяв у него тетрадь, глянул на записи.

– Фредерика Джозефа Гудвина... – проговорил тихо Чернай.

– Этого не может быть, – прошептал Виктор, – Гудвин еще даже не собрал свою машину.

– Машину? – не понял Чернай.

– Эгей, полковник! Мы чего-то не знаем? – усмехнулся Фиалковский.

– Мне кажется, Адам Иосифович, – ответил Виктор глянув на Фиалковского, – Полежаев занимался своими исследованиями не один. Прикажите становому приставу изъять все его бумаги, собранный им аппарат и опечатать дом.

– Дело настолько серьезное? – переспросил Фиалковский.

– Дело государственной важности, – ответил Виктор, – и ответы мы найдем в бумагах Полежаева. Я начинаю производство особой следственной комиссии.

Виктор закрыл тетрадь и отдал ее Чернаю.

– А еще, Адам Иосифович, – добавил он глянув на Фиалковского, – думаю не будет лишним, если этот дом случайно сгорит сегодня же ночью, вместе со всеми вещами... и несчастным инженером Полежаевым, которого наемники мы обнаружили тут очень пьяным.

Глава 4

Купчиха Минаева не всегда именовалась купчихой, и далеко не всегда ходила в дорогих платьях и носила самые дорогие ожерелья, шеголяя в этих нарядах среди чугуевских дам. Когда-то давно, она была прилежной девушкой, которую многие матери ставили в пример своим дочерям, а многие отцы не отказались бы женить своих сыновей именно на дочери отставного солдата, Капитолине.

Но Капитолина, дочка пусть и малограмотного, но доброго и трудолюбивого отставного солдата, если и смотрела на женихов, сватавшихся один за другим к ней, то смотрела разве что свысока. И выносила гарбуз за гарбузом, словно ждала кого-то особенного. Ей не по нраву были ни кантонисты, ни солдатики, ни даже унтера и прапорщики. И отец уже и не чаял выдать дочку замуж. Девичий возраст уже увядал как роза в осеннем саду, но однажды счастье само постучалось в двери. Счастьем этим был отставной офицер, далеко не молодой, далеко не богатый, но всё же дворянин, хотя бы и «личный».

Правдами, неправдами, но очень скоро он уже стоял под венцом рядом с не совсем молодой невестой. А Капка Николаева дочка, с той поры стала Капитолиной Николаевной. И из родного своего села под Балаклеей, перебралась в имение своего супруга, дворянина Минаева.

Очень скоро супруг представился. И чугуевские сплетницы и наушницы поговаривали, что представился он очень даже неспроста. Но, глядя на то как Капитолина Николаевна убивалась подле его гроба, им мало кто верил. Уж очень долго носила она траур, долго проливала слёзы в беседах, когда вспоминала своего суженного, и уж очень часто падала в обмороки, когда кто-то начинал разговоры о нём.

И, вдруг, внезапно, Капитолина Николаевна взяла да убыла в столицу. Зачем – того никто не знал. Не ведал. Не докладывала она никому даже о том, что вообще куда-то собиралась убыть. Но вернулась она из Петербурга уже в дворянском сословии, которое... унаследовала от своего благоверного, скоропостижно представившегося мужа. Жизнь, правда, она вела не дворянскую. Слишком была она хваткой да жадной. Поэтому её с той поры, иначе как «купчихой», никто и не называл.

Как она стала предводительствовать в уездном дворянстве, это уже отдельная история, но всё же заслуживающая внимания.

Когда ушёл в мир иной дворянин Минаев, а Капитолина Николаевна убивалась за ним как умела и могла, старый предводитель, помещик Анатолий Павлович Квасов, именуемый в простонародье Атаманом Палычем, ибо служил в молодые годы в казачьем полку, пожалуй был одним из тех немногих, кто очень искренне и очень по-доброму сопереживал купчихе Минаевой в её горести и печали. И её «как же я теперь буду жить» принял очень близко к сердцу.

Местные дворяне признавать и принимать вдову Минаеву не хотели. Но чем больше они упирались, чем сильнее возражали, тем громче убивалась купчиха Минаева перед Атаманом Палычем о своей тяжкой вдовьей доле. И наконец, Анатолий Павлович не выдержал и направился к самому предводителю губернского дворянства, старому графу Квитке.

Выслушав его, Семён Григорьевич возмутился негодным поведением немногочисленного чугуевского дворянства и лично прибыв в Чугуев, пожурил дворян и приказал немедленно принять несчастную безутешную вдову в собрание и ввести её в совет.

Так, купчиха Минаева стала дворянкой и не просто оказалась в собрании, а сразу начала заседать в совете, словно принадлежала к потомственному дворянскому сословию, а не была простой солдатской дочкой.

Наравне с титулованными графами и князьями она смотрелась жалко, вульгарно и сразу бросалась в глаза своим поведением, выходками и даже манерой говорить. Дело было не в титу-

лах или званиях, не в заслугах или наградах, а в том, что в Чугуеве прекрасно знали, что купчиха Минаева это обыкновенная взбаломошная и скандальная баба, одно нахождение рядом с которой не предвещало ни чести, ни удовольствия. Кроме того, умом и образованностью купчиха Минаева не отличалась.

Что действительно отличало её от всех остальных, так это умение чувствовать своего собеседника и как-то молниеносно улавливать именно то, что есть истинной ценой этого человека, и какова его истинная стоимость, чтобы купить, как выражаются, «с потрохами».

Очень и очень скоро оказалось, что едва ли не каждый из чугуевских помещиков, более-менее влиятельных заседателей совета, или желавших таковыми стать, вдруг начал побаиваться купчихи. Минаева не просто знала о грешках каждого, но и даже умело провоцировала эти самые грешки, которыми очень крепко привязывала дворян к себе.

Так она стала влиятельной дамой. Но влиятельность её была не столько предметом уважения, сколько оружием уничтожения. По своему она понимала эту самую влиятельность.

Очень быстро сместить своего благодетеля, старого помещика Квасова, ей оказалось вовсе не трудно. И даже более того, помещик Квасов был скорее рад, чем возмущён тем, что купчиха Минаева вынудила его запереться в своём имении и предаться воспоминаниям, мемуарам и шинкованию капусты.

Он всё реже давал о себе знать и вскоре о нём, все попросту забыли...

Минаева с трудом терпела тех, кто прибывал в город не просто так, а с каким-нибудь смыслом. И если городской голова Лубенцов ожидал приезда дорогого гостя, или посыльного, например, от того же губернатора, то Минаева старалась приложить максимум усилий для того, чтобы нет-нет да унизить либо самого Лубенцова в глазах гостя, либо гостя, «дабы не повадно было», кто бы сей гость ни был.

Исчезновение инженера Полежаева всколыхнуло чугуевских обывателей. Ранее тут никогда не пропадали люди. Точнее, не то чтобы не пропадали вообще. Пропавшие да исчезнувшие, оставляли после себя следы и чаще всего находились вскорости, даже без помощи полиции и жандармов. Например, как сынишка местного пьяницы, отставного унтера Казаченко. Тогда солдаты прочесали все окрестные леса. А мальчонка, живой-здоровый нашёлся в соседнем селе. Затиранил его папанька. Вот он и «дал дёру» подальше от Чугуева. И кабы не военного сословия батюшка его был, то и не искали бы. Или, как дочка булочника Сторожева. Так та вообще махнула с буфетчиком Костькой за реку. Волнения только зря на Успенской слободе подняли. Всё одно к вечеру вернулась.

Приблизительно так, о том что вообще творится в Чугуеве и кто есть кто, усатый становой пристав, Константин Васильевич Калашников, рассуждал перед Виктором, вспоминая всех власть имущих, пропавших да пропавших.

– И как? – наконец остановил его вопросом Виктор, закуривая очередную папиросу.

– Что, как? – не понял Калашников.

– Буфетчик Костька, как?

– А никак, – отмахнулся Калашников, – как гулял с булошницей за рекой, так и гуляет.

– Понятно, – посмотрел на него Виктор, – чем всё-таки тут занимался Полежаев? Или у него не было ни знакомых, ни приятелей? Он у вас что, из дома не выходил?

– Стало быть не выходил, – пожал плечами Калашников, – сколько не тужусь, господин полковник, не могу я даже лица его вспомнить.

Виктор усмехнулся и посмотрел на Калашникова.

– А градоначальник говорит, что заходил он к Вам, но не в участок, а на дом. И заходил часто.

– Ох уж этот... – отвернулся Калашников, – ну поймите, не могу я распространяться о связях с этим человеком, – посмотрел он снова на Виктора, – понимаю так, его не скоро забудут, раз им занимается военное ведомство?

– Не скоро, – кивнул Виктор.

– Значит не сумасшедший, – отвернул глаза Калашников.

– Почему Вы решили, что он сумасшедший? – спросил Виктор.

– Да я-то как раз и не решил, – ответил Калашников, – Полежаев, Георгий Александрович, любил повторять, что пусть лучше считают юродивым, чем учёным. Меньше лиха, понимаете!

– Понимаю, – спокойно ответил Виктор.

– Вот и я понимаю, – выдохнул Калашников, – он всё рассказывал о какой-то Гражданской Войне, каких-то нацистах, которые захватят половину мира, про потомка генерала Кутепова и про большевиков.

– Кутепова? – удивился Виктор, – кто такой генерал Кутепов?

– Понятия не имею! – воскликнул Калашников, – я никогда не слышал про такого генерала!

– Вот и я не слышал, – кивнул Виктор в ответ, – Вы уверены, что он...

– Я тоже думал, что с головой у него не в порядке, но... – ответил Калашников и подумал.

– Что, но? – кивнул Виктор.

– Вот, – тихо произнёс Калашников, вытащил из стола маленькую гильзу и положил её на стол перед Виктором, – на полу в его доме нашёл, когда мы уже уходить собирались, да забыл показать Вам.

Виктор взял гильзу, покрутил её на ладони и посмотрел на Калашникова.

– Клеймо на ней 1969 года, – сказал Виктор с ухмылкой.

– И вроде как от пулемёта Максим... – подумал Калашников, – но странная какая-то... Хоть убейте меня, но ни к одному оружию не подойдёт!

– Это ещё почему? – рассматривал гильзу Виктор.

– Ободочек у неё, там где должна быть шляпка, разве не видите? – ответил Калашников, кивнув на гильзу.

Виктор усмехнулся и поставил гильзу на стол, капсюлем вверх.

– Сказать, что немецкая? – посмотрел он на Калашникова, – не похоже. Немцы не метят свои патроны звездой.

– Да и 1969-й год ещё не наступил, – улыбнулся Калашников.

Виктор так же улыбнулся в ответ и вернул ему гильзу.

– Я не думаю, что эта гильза из под патрона, пулей из которого был убит Полежаев.

– Убит? – удивился Калашников.

– Нет, – покрутил Виктор головой, – я даже не уверен, что он был убит. Она давно отстреляна и скорее всего отстреливался Полежаев. Интересно только в кого он стрелял. И разумеется, из какого оружия.

– Я слышал, что он хвастался своим английским «Бульдогом», – ответил Калашников, – но я знаю английское оружие. Не от него эта гильза, не от него. Да и лихих людей, в которых приходилось бы хотя бы раз стрелять, в нашем городе нет, – вздохнул он, взял гильзу и спрятал обратно в стол...

Глава 5

Виктор вышел из полицейского околотка ближе к вечеру. Едва он сошёл с крыльца, как к нему тут же подбежал средних лет, маленький человек.

– Господин барон? – начал, запыхавшись, человек, – господин барон, право даже не ожидал встретить Вас тут.

– Да? – посмотрел на него Виктор, – а как по мне, то Вы тут давно околачиваетесь, – кивнул он на истоптанный снег неподалёку от крыльца.

– Отчего же? Нет, нет, – возразил человек, – совершенно случайно проходил мимо, вдруг вижу Вы спускаетесь, и решил подойти поздороваться.

– Да, вижу, совсем замёрзли, мимо-то проходя? – усмехнулся Виктор.

– Разрешите представиться, – улыбнулся человек, чуть приклонив голову, – гласный дворянского собрания Терентий Свиридович Чумак.

– Чем обязан, Терентий Свиридович? – посмотрел на Чумака Виктор.

Матушка наша, Капитолина Николаевна, много об Вас рассказывали и ненароком мне довелось слышать, что с радостью приняли бы Вас, господин барон, в своём доме, совсем недалеко отсель.

В своём доме на Старой Николаевской, или не иначе в Головинском? – усмехнулся Виктор, – а отчего же не провести? Ступайте к своей благотельнице и сообщите, что завтра до обеда посещу её.

– С радостью, господин барон, – улыбнулся Чумак, слегка поклонился и пропустил Виктора.

Виктор сошёл с крыльца, закурил, отошёл на несколько шагов и обернулся назад, чувствуя чей-то пристальный взгляд в спину. Позади продолжал стоять Чумак, как-то неискренне улыбаясь Виктору, в своей, как понял Виктор, привычной позе лакея.

Снег едва припорошил улицы. Холод пронизывал не столько от мороза, сколько от не прекращающегося ветра. Ветер дул то в лицо, то заходил со спины словно подгоняя, то снова и снова будто обнимал со всех сторон, едва не сбивая с ног.

Особенно сильным, и даже каким-то нахальным, он показался на мостике, перекинутом через широкую балку. С этой балки, слева, открывался чудесный вид на заснеженную речушку. И тут ветер словно набрался сил и решил сбросить Виктора с мостика. Снег ударил в лицо, Виктор выругался и только крепче затянул башлык. Ему показалось, что он сейчас улетит вслед за ветром. Эти, неприятные во всех отношениях объятия, заставляли не идти, а бежать вниз по улице, по и без того крутому и обледенелому спуску.

Проходя мимо бывших пороховых складов, Виктор на мгновение остановился и задумался. Он глянул на склады. Потом резко повернул назад и буквально побежал вверх, обратно через мостик, совсем забыв про ветер и снег.

– Господин пристав! – влетел Виктор в кабинет Калашникова, громко захлопнув за собой двери.

– Ой не сидится Вам дома по такому морозу, – усмехнулся ему Калашников, – чем на сей раз обязан, господин полковник?

– Дом Полежаева ещё не сожгли? – остановился Виктор в дверях.

– Ну, это только у вас, у военных всё быстро да слажено, – снова усмехнулся Калашников, – а у нас знаете, надобно человека нанять, чтобы не болтливый был, организовать да обставить всё как надобно. А такого в Чугуеве не сыщешь, чтобы не проболтался. Чугуев большая деревня и каждый тут то кум, то сват...

– То брат, – прервал его Виктор, – собирайтесь, Вы мне нужны.

– Куда изволите? – поднялся Калашников одевая фуражку.

– В дом Полежаева, – улыбнулся Виктор.

– Что забыли? – кивнул пристав.

– Очень на это надеюсь, – ответил Виктор.

Дом Полежаева в сумерках казался каким-то зловещим. Соседи даже боялись приближаться к нему после недавних событий, а сплетни и слухи только нагоняли страх.

Снег никто не убирал. И как назло началась метель. Офицеры едва нашли дорожку ведущую к входу и с трудом отворили двери.

– Да он, сказывают, и сам-то не шибкий работник был, – тянул с трудом, на себя, скрипучую дверь Калашников.

– А чего же так? – кивнул ему Виктор, перехватив двери толкая их на станowego пристава, едва они начали поддаваться и чуть приоткрылись.

– Да всё больше блукал как чудной, запирался у себя и бродил в тёмной хате, – полушёпотом ответил Калашников.

Двери заклинило, будто они примёрзли к дверным косякам.

– Откуда известно? – спросил Виктор.

– Ребятишки местные за ним подглядывали в окна, – сказал Калашников, – оно, знаете, им любопытно. Человек новый, городской, учёный. Ну они пробрались тихонько, глядь, а он в тёмной хате из угла в угол ходит, сам себе шутки-прибаутки рассказывает и смеётся.

– Смеётся, говорите? – с силой толкнул Виктор дверь, та поддалась и открылась, – а кто сказывал?

– Да Илюшка Майстренко, сынок моего городского, – ответил Калашников.

Они зашли в дом.

Пар повалил изо рта. Виктор осмотрелся. В доме ничего не изменилось.

– Да что же он, печку, что ли не топил? – прошептал Калашников.

– Не чудной он, – покрутил головой Виктор, глянув на Калашникова, – а что ещё тот Илюшка рассказывал?

– Да Вы сами у него лучше расспросите, – ответил пристав, – малец баламут конечно, но не врунишка. Да и шуток не любит.

– Ладно, – проговорил Виктор, снова окинул взглядом дом и направился к печке.

Открыв поддувало он усмехнулся и посмотрел на Калашникова.

– Он не топил печки, – улыбнулся Виктор, – сколько тут жил, он не топил печки.

– Вот как? – присел пристав рядом, пододвинув к себе табурет, – болящий, что ли?

– Со стороны так может показаться, – встал Виктор, – только скорее всего, он хотел казаться душевнобольным.

– Зачем это ему? – пожал плечами Калашников, – я вот не понимаю, зачем человеку семи пядей во лбу, инженеру, физику, который в наше время мог бы жить припеваючи в столице и преподавать в лучших гимназиях, запирается в холодном доме, в заштатном городишке где царят нравы середины прошлого века? Да ещё изображать из себя душевнобольного! А потом вдруг взять и исчезнуть, создав заботы и нам, и вам, и самому Государю Императору!

Виктор вздохнул, присел на стоящий неподалёку стул и посмотрев на Калашникова зажёл керосиновую лампу на столе. Комната наполнилась жёлто-оранжевым светом.

– Вы разумный человек, господин Калашников, и всегда старались быть справедливым, – сказал тихо Виктор, – в наши дни люди не верят в справедливость. И поэтому, многим мы кажемся хитрыми и подлыми тиранами. Мы к ним с чистым сердцем и душой, а они не верят в чистые сердца и души, потому что никогда не видели их. Ложь, лицемерие, хамство стали настолько привычными вещами, что люди начинают верить в них как в единственную действительность. И не верят тем, кто верит в справедливость и старается справедливым быть.

Виктор вздохнул.

– Вы пытаетесь наказать негодяя, подлеца, растлителя малолетних, вора и насильника, а люди будут за глаза говорить, что мол «Пристав бьёт себя в пузо и хочет отправить на каторгу безвинного». Потому что он, в их понимании, безвинный. Он олицетворение из внутренней сути, воплощение того, что творится в их несчастных мозгах, к чему они привыкли и считают таким естественным...

Виктор помолчал.

– Среди таких лучше казаться умалишённым, – вздохнул он, – лучше казаться умалишённым, чтобы не дай Бог они не поняли, что ты не думаешь так как они, и что ты понимаешь, что душевнобольной не ты, а все вокруг.

– Грустно, – ответил Калашников и опустил глаза, но потом глянул на Виктора.

– Так почему же он не топил печку?

– Ему нужен был холод, – ответил Виктор, – и ответ на вопрос, зачем он был ему нужен, где-то у нас под носом.

Калашников осмотрелся.

– А домишко-то, домишко старый, от первой застройки, – он усмехнулся и посмотрел на Виктора, – ответ не под носом, господин полковник, а под ногами у нас, понимаете?

– Подвал? Тут есть подвал? – улыбнулся Виктор.

– Не во всех домах, – Калашников встал и начал прохаживаться по комнате, глядя себе под ноги, – их строили почти сто лет назад. Первая застройка велась с таким учётом, что каждый дом, в случае нападения неприятеля, станет неприступной крепостью, – глянул он на Виктора, – поэтому погреба делались в самом доме. А когда поняли, что на Чугуев нападать уже не будут, потому что граница далека, погреба стали рыть во дворах. Вы видели погреб во дворе?

– Нет, – покрутил головой Виктор.

– Вот видите, даже Вы не обратили на это внимание, – улыбнулся Калашников, – да и я хорош, – вздохнул он, – так что не отчаивайтесь, господин полковник.

Калашников, заглянул за печку и молча подозвал Виктора.

– Идите сюда, господин полковник. Помогите убрать этот хлам...

...В подвале было темно. Виктор зажёл спичку и в тусклом свете увидел электрическую лампочку. Подойдя к лампочке, он аккуратно прокрутил её и лампочка зажглась, очень ярко и ударив светом по глазам.

– В этом доме есть электричество? – погасил Виктор спичку, удивлённо глянув на Калашникова.

– В «аракчеевских» отродясь его не было, – так же удивлённо ответил Калашников.

– Откуда же свет? – посмотрел вокруг Виктор.

– А почему она такая яркая? – подошёл Калашников, глянул на лампочку прикрывая глаза рукой и отойдя в сторону, сильнее натянул на глаза козырёк фуражки.

– Сдаётся мне, Калашников, – ответил Виктор, – что Полежаев не более чудной чем мы с Вами.

Он глянул вверх и увидел, что ни проводки, ни каких-либо следов штукатурки на потолке нет. Патрон лампочки, будто был одним целым с потолком подвала.

– Такое чувство, – сказал Виктор, – что проводка замаскирована в стене.

Он глянул на Калашникова.

– Ладно, проводкой займёмся позже, – сказал Виктор, – вам не кажется, что тут холоднее чем в доме?

– Понятно дело, – пожал плечами Калашников, – погреб всё-таки.

– Да нет, – прошёлся подвалом Виктор, осматривая голые стены, – холод, как будто идёт только с одной стороны, – он остановился перед стеной, – вот отсюда, господин становой пристав, – указал он на стену.

Калашников подошёл, посмотрел на стену и постучал по ней.

– Пустота, – кивнул он, – а ну-ка отойдите, чтобы не зашиб Вас ненароком, – усмехнулся Калашников.

Виктор отошёл.

Калашников со всего маху ударил по стене ногой.

Стена с грохотом обвалилась назад. Леденящий холод, вырвавшись из открывшегося прохода, ударил в лицо.

– Вот так дела, – тихо сказал Виктор.

За завалившейся стеной была ещё одна комната. Калашников, перекрестившись, прошёл в неё первый.

– И какого-же чёрта тут он прячет? – прошептал Калашников, глядя вокруг. Пола в этой комнате не было. Мёрзлая земля, голые стены, два металлических ящика в углу и небольшой бочонок, стоящие рядом друг с другом. А ещё, посреди комнаты сияла синими вспышками не-то лампа, не то сфера.

– Это что за адская машина? – кивнул пристав на сферу, подойдя ближе и протянув к ней руку.

– Я бы не рисковал, господин становой пристав, – остановил его Виктор.

– Что это? – указал глазами на вспышки Калашников.

– Это источник электричества, – ответил Виктор, – разработка доктора Теслы, которого сегодня обозвал всеми нехорошими титулами профессор Чернай.

– Вот тебе и лженаука, – проговорил Калашников, – и долго она будет так светить? – глянул он на Виктора.

– Трудно сказать, – ответил Виктор, сложив руки на груди, глядя на сферу, – она черпает энергию из земли и мощность поставляемой этой сферой энергии во много выше чем мощность наших электростанций.

– Я не понимаю, – воскликнул Калашников, – ведь одна такая... электростанция, – он глянул на Виктора, – способна обеспечить током целый квартал, если не половину города! Почему мы о ней до сих пор не знаем?

– Вы у меня спрашиваете? Спросите у Чернай! – ответил Виктор и отойдя, подошёл к ящикам.

Он открыл один ящик и позвал Калашникова.

– Посмотрите сюда, – кивнул Виктор, указывая на ящик.

– Винтовки? – подошёл Калашников.

– Вроде того, – ответил Виктор, доставая из ящика автомат, – чтобы Вам было понятно, это... – он подумал, – видать новейшая разработка наших оружейников? – улыбнулся он Калашникову.

– Тульских? – взял второй автомат Калашников.

– Нет, – ответил Виктор, – скорее той же оружейной мастерской, из которой и гильза найденная Вами, в прошлый раз.

– Интересная конструкция, – удивляясь, рассматривал автомат Калашников.

– Это, судя по всему, нечто вроде переключателя, – указал Виктор на одну из сторон автомата, – оружие стреляет короткими и длинными очередями, как пулемёт.

– Ну тогда хорошая винтовка, – улыбнулся Калашников, – мне бы таких на мой околоток, то и гарнизон бы в городе можно было не ставить!

– Вот и я о том же, – вздохнул Виктор и положил автомат на место, – к чему, одинокому инженеру, держать в доме целый арсенал?

– Пожалуй, скоро мы об этом узнаем, – ответил Калашников, – чувствует моё сердце, что свет и холод, это была увертюра, полковник.

– Не думаю иначе, – ответил Виктор глядя на автоматы, – воевать он явно собирался. Знать бы только с кем и против кого.

Виктор открыл второй ящик. Это был цинк, полный автоматных рожков.

– А вот и боеприпасы, – сказал он сам себе, – а что за бочонок? Похоже на бомбу? – кивнул Виктор на блестящий металлический бочонок.

– Сейчас глянем, – положил Калашников автомат и снял с бочонка герметично закреплённую кверху крышку.

– Матерь Божья! – отступил он, – а вот это уж точно не электростанция...

Из бочонка повалил холодный пар.

Виктор, очень быстро отодвинул, почти отпихнул рукой Калашникова и отступил сам.

– Не подходите! Только не подходите близко! – проговорил Виктор.

– Что это? – удивлённо посмотрел на него Калашников.

– Судя по всему это контейнер наполненный жидким азотом, – ответил Виктор, схватился за край крышки и резко захлопнув её, посмотрел на Калашникова, – только вот как и зачем он создаёт столько холода, мне непонятно...

Глава 6

ГЕРМАНИЯ; СЕКРЕТНАЯ БАЗА РСХА; БРАНДЕНБУРГ; 1942 ГОД

Небольшой, крытый двухместный легковой автомобиль, в сопровождении грузовика с солдатами, поздно ночью остановился перед воротами воинской части.

Свет фар осветил фельджандарма. Фельджандарм поправил карабин и приблизился к автомобилю.

– Документы, – посмотрел он на водителя.

Водитель молча сунул ему лист бумаги свёрнутый вчетверо.

Фельджандарм развернул его и подсветил фонариком на текст, бросил взгляд на пассажира. Затем он вернул документ водителю и отойдя, молча показал чтобы машина проезжала.

Поднялся шлагбаум. Двигатель загудел. Автомобиль и сопровождающий его грузовик, скрылись в воротах.

Грузовик остановился почти сразу, едва пересёк шлагбаум. А машина проехала дальше и востановилась перед одноэтажным домом, возле которого не было никакой охраны.

У самого входа в дом горели два фонаря.

Группенфюрер Штейфон молча вышел из машины, глянул куда-то поверх крыши и так же молча направился к дому.

– Господин Штейфон, – встал Олендорф приветствуя Штейфона.

Штейфон, зайдя в маленький кабинет, небрежно вскинул правую руку в приветствии, потом кивком головы поздоровался с Олендорфом и уселся в кресло возле стола.

– Здравствуйте, Олендорф, – произнёс он уже сидя в кресле, – я полагаю, что меня не зря сорвали в Берлин из Югославии?

– Фон Штейфон, – Олендорф хотел было присесть, но потом подумал и подойдя к шкафу, достал бутылку коньяка.

Он поставил её на стол и открыл. Рядом поставил две маленькие стопки.

– Угощайтесь, – улыбнулся Олендорф кивнув Штейфону.

Штейфон молча налил коньяк.

– Ваше здоровье, – поднял он одну стопку и вылил себе в рот.

– Ну так что же, группенфюрер? – отставил коньяк Штейфон, глянув на Олендорфа, – я полагаю так, дело не может быть отложено или перенесено, раз я тут, а не в Белграде. И как сообщает фюрер, Вам требуется специалист именно моего профиля? Я правильно понимаю?

– Совершенно верно, господин Штейфон, – ответил Олендорф, – и прежде всего, это поможет Вам исправить ситуацию, которая сложилась осенью прошлого года в Париже, когда были похищены плёнки с фотокопиями архива диверсионной школы РОВСа.

– Вы о похищении архива нашей диверсионной школы? – недоверчиво глянул на Олендорфа Штейфон, – уж не хотите ли Вы сказать, что архивы перехвачены и не попали к русским?

– Нет, не перехвачены, – ответил Олендорф, – и к резиденту русской разведки в Швейцарии они попали. Но именно Вы можете сделать так, что к русским они никогда не попадут. Скажите, вы хорошо знаете местность восточнее Харькова?

– Хорошо ли я знаю Харьковскую губернию, Вы хотите сказать? – усмехнулся в ответ Олендорфу Штейфон, – я там вырос, учился и воевал в Гражданской войне, Олендорф. А почему Вас так заинтересовал Харьков, осмелюсь спросить? – он, прищутив глаз, глянул на Олендорфа.

– А штурмбанфюрер Кузьмин-Караваев, вроде бы Ваш земляк? – спросил Олендорф тише.

– Гм, – подумал Штейфон, – скажу честно, если бы его не нужно было ликвидировать и ловить, то я не хотел бы и слышать этого имени.

Он глянул на Олендорфа, хотел было что-то спросить но отвёл взгляд в пол и усмехнувшись, снова посмотрел на группенфюрера.

– В городе, в котором я учился, под Харьковом, жила старушка, – сказал Штейфон, – княгиня Елизавета Кузьмина-Караваева. Душевная была женщина, но немного со странностями. Замкнулась в себе после смерти мужа и мало кого принимала в своём особняке. А когда погиб её сын, то и вообще даже прислугу распустила. Осталась кухарка да ключница, горничная. А почему Вы решили, что штурмбанфюрер Кузьмин-Караваев, мой земляк?

– В том-то и дело, что достоверно неизвестно откуда он вообще взялся, – ответил Олендорф, – Кузьмины-Караваевы, вроде как из ваших мест, Штейфон. Но этот, по всем данным родом из Анапы. А это, ой как далеко от Харькова.

Он вздохнул.

– Вам надобно будет выяснить, какой он Кузьмин-Караваев, князь он или нет и кто он вообще такой, найти его и ликвидировать.

– Да я сам об этом мечтаю уже почти год, Олендорф, – усмехнулся Штейфон, – Вы прикажете мне его уничтожить силою мысли? Тут вопрос: Где мы, и где он? И этом вопросе, существует ответ только на первую его часть. Даже после того как мы арестовали его жену и сына, он не появился. Хотя тут логично. Командование его могло и не информировать об аресте семьи. Но его жена не последний человек из Движения Сопротивления в Париже. И о провале подполья в Париже, он не узнать не мог. И давно должен бы был зашевелиться и проявить себя.

– И что Вы планируете делать с семьёй? – посмотрел на него Олендорф.

– А что делать? – усмехнулся Штейфон, – что делать с большевиками? Рейхсфюрер намерен переправить их в Берлин. Жену будут судить и ясное дело князя. Сына, как военного, предадут военно-полевому суду за сотрудничество с французскими подпольщиками. А там уже не мои проблемы.

– Понятно, – вздохнул Олендорф, – ну так у меня к Вам ещё есть интересные новости, и не скажу, что хорошие.

Он встал и прошёлся по кабинету, потом повернулся к Штейфону.

– Мне известно, что Вы были дружны с бароном фон Готтом. И фон Готт совсем рядом. И воюет против нас.

– Бравый старик, – глянул мрачно на Олендорфа Штейфон, – ну, атаман Краснов тоже не молод. А что, Виктор фон Готт решил встряхнуть свои старые кости и вспомнить что он сибирский драгун?

Олендорф вернулся на своё место.

– Виктор фон Готт, британский морской офицер, капитан третьего ранга, и служит в разведке. И намного моложе Вас, – Олендорф посмотрел на Штейфона, – скорее всего это сын того фон Готта, которого знали Вы. Он находится в Берлине. Кроме всего прочего, этот фон Готт разыскивал некоего инженера русского происхождения, Георгия Полежаева.

Олендорф выложил на стол фотографию и пододвинул её к Штейфону.

– Вот этот Полежаев.

– Железнодорожник? – взял фотографию Штейфон, – ну, а я тут причём? – кивнул он Олендорфу.

– Да, тут он в форме Рейхбана, – ответил Олендорф забрав фотографию, – Вам нужно будет захватить этого самого Полежаева и доставить его сюда. Мне интересно над чем работал Полежаев в 1912 году, находясь у вас, в Чугуеве. Вы же, группенфюрер, и возглавите группу которая доставит его на эту базу.

– Генерал во главе группы захвата? – рассмеялся Штейфон, – да Вы шутите, Олендорф!

– Нет, – спокойно покрутил головой Олендорф, – это приказ фюрера, господин Штейфон. В группу входят только ваши русские белогвардейцы, бывшие, как вас называют большевики. С Вами отправляется оберфюрер Артур фон Ленберг.

– И он тоже русский? – усмехнулся Штейфон.

– Он сам расскажет, – кивнул Олендорф, нажав на кнопку под столом.

Дверь открылась. В кабинет вошёл офицер в мундире СС. Его лицо было мрачно и недвижимо, больше напоминая лицо каменной статуи.

Штейфон посмотрел на него и сразу отвернулся. Он бы даже испугался, если бы не знал, что перед ним человек.

– Знакомьтесь, это оберфюрер Артур фон Ленберг, – указал Олендорф на офицера.

Штейфон снова глянул на Ленберга.

– Не доверяете? – усмехнулся Штейфон Олендорфу, – зачем мне надзиратель?

– Позвольте, господин группенфюрер, – ответил Штейфону, вместо Олендорфа, Ленберг, на чистом русском языке, – я не надзиратель, а доброволец и рад служить под Вашим командованием.

– Гм, – подумал Штейфон, – ну это меняет дело, – он посмотрел на Олендорфа.

– Оберфюрер Ленберг, – сказал Олендорф, – тоже Ваш земляк. Он не воевал против большевиков как Вы. Потому что в годы Гражданской войны был ещё совсем юным, спасся от красного террора в эмиграции. Но как достойный сын Германии, сейчас служит в Лейбштандарте «Адольф Гитлер» и воюет на Восточном Фронте. Он был отозван сюда прямо с передовой. Но, я думаю, воспоминаниям мы предадимся позже. Вас необходимо ввести в курс дела.

Олендорф встал.

– Туда куда вы отправитесь, господа, – сказал он, – очень важно знать местность и ориентироваться среди местного населения.

– Восточнее Харькова? Вы отправляете нас в Чугуев? – удивился Штейфон, – насколько я понимаю, – глянул он на Ленберга, – оберфюрер только что прибыл оттуда, – Штейфон перевёл взгляд на Олендорфа, – Лейбштандарт ведь находится в самом Чугуеве, Олендорф? Так зачем было отзывать оберфюрера?

– Именно, отправляю обратно в Чугуев, – кивнул Олендорф, – и оберфюрер прибыл именно оттуда. И основная часть вашей группы, это разведвзвод Лейбштандарта. И они тоже отозваны из Чугуева. Ещё несколько человек будут из подразделения бригаденфюрера Каминского. У них свой командир, вы с ним познакомитесь. Он из ваших «первопроходников».

– Ледяной Поход? – удивился Штейфон, – ну тогда нам есть о чём с ним поговорить, – он усмехнулся, – с ним я в бой пойду.

– А вот ваш связист, – продолжал Олендорф, – это ещё один дополнительный член вашей группы, профессор, физик. Его пришлось выдернуть из лагеря. Он еврей, но без него Вам не обойтись. Тем более, что этот еврей служил преподавателем в Чугуевской юнкерском училище в 1912 году.

– Преподаватель? Еврей? Физик? – подумал Штейфон и глянул на Олендорфа, – уж не про капитана ли Подольского Вы говорите?

– Именно, Подольский, – кивнул Олендорф, – а Вас пугает то что он еврей?

– Ну, то что он еврей меня не пугает, – усмехнулся Штейфон, – мы сами решаем, кто еврей, а кто не еврей и когда. А вот то что связистом у нас будет целый профессор, это вынуждает меня спросить у Вас, господин группенфюрер, куда и какого чёрта, Вы нас хотите забросить!

– Вот и я о том же, – улыбнулся Олендорф, – прошу вас следовать за мной, господа...

Штейфон стоял посреди огромного зала перед застеклённой площадкой, слушая человека в белом халате накинута поверх военной формы СС, и пытался понять смысл его слов.

Он поглядывал на Олендорфа, скрестившего руки на груди и молча стоящего в стороне. Тут были все члены группы, кроме профессора Подольского. Штейфон ждал встречи с ним

думая, узнает, или не узнает его старый профессор. Тем временем, он старался оценить остальных, тех, с которыми ему предстоял, как он понял, скачок назад во времени.

Штейфон рассматривал каждого очень долго, пытаясь найти в них достоинства или недостатки.

Эсэсовец Ленберг, на первый взгляд казался просто самоуверенным выскочкой. Он единственный тут не выдавал волнения и его лицо было почти каменным. Для оберфюрера он был слишком молод и у Штейфона возникло сомнение в том, что он тот, за кого себя выдаёт.

«Шпион? Авантюрист? Имеет связи? – думал Штейфон, но потом усмехнулся в душе, – ну и чёрт с ним, пусть даже и шпион. Как по мне, так он единственный, кто тут понимает о чём вообще говорят».

Три донских казака, с характерной внешностью, вообще не понимали ни слова из того, что на ломаном русском пытался объяснить этот человек в белом халате.

«Им бы шашку, на коня да на линию огня, – подумал Штейфон глядя на них, – а их, бедолаг, вырвали от батки Каминского и приволокли чёрт знает куда и чёрт знает зачем. Ну, по крайней мере они сами так думают. На лицах написано».

Их командир, немолодой сотник, которого Олендорф назвал унтерштурмфюрером, был молчалив и немногословен, как казалось на первый взгляд.

«Первопроходник», – догадался Штейфон по медали на груди. Она была в виде тернового венца перечёркнутого мечом, смотрящим лезвием вверх.

«Этот не теоретик, – усмехнулся в душе Штейфон, – сколько же ему было лет, когда он вышел из Новочеркасска на Кубань, в восемнадцатом? Шестнадцать? Семнадцать? Кто он? Кадет? Гимназист? Надо бы его держать в поле зрения, чтобы ностальгия не пробрала этого романтика».

Остальные были солдатами. Им вообще всё было безразлично и они просто внимали словам немца, стараясь делать вид, что им всё понятно.

Наконец, ворота ангара заскрипели.

Штейфон обернулся и увидел, что конвоир заводит старика в сером длинном пальто, неуверенно озирающегося по сторонам.

Старик поправил очки, остановился и кивком головы поздоровался со всеми.

– Отлично, – остановил человека в белом халате Олендорф, – прибыл последний член группы, профессор Подольский, если я не ошибаюсь.

Он повернулся к старику и улыбнувшись сделал шаг навстречу.

– Проходите, профессор! – громко сказал Олендорф, – думаю, Вам будет тут интереснее чем нам всем?

– Здравствуйте, – снова кивнул профессор, на сей раз Олендорфу, – здравствуйте, господа.

– Вы знакомы с господином группенфюрером Штейфоном? – подошёл к нему Олендорф и взяв под руку подвёл к Штейфону.

– Не припоминаю, – ответил профессор, глянув на Штейфона.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич, – посмотрел Штейфон на Подольского, – наверняка Вы не помните меня?

– Простите... ваше превосходительство, – растерянно ответил Подольский.

– Я исполнял обязанности Вашего лаборанта, в училище, – сказал Штейфон.

– Боря? Боря Штейфон? Но... – замешкался профессор, но Олендорф не дал ему договорить.

– Ну вот и славно, что в составе группы отправляются близкие люди. И так, подробный инструктаж окончен, как я понимаю? – глянул он на человека в белом халате.

– Так точно, господин группенфюрер, – ответил тот.

– Как вы все поняли, – Олендорф подошёл к нему и встал рядом, – точкой вашего назначения является 1912-й год. Вы отправляетесь к себе на родину, в ваш родной город, Чугуев, но в прошлое. В связи с этим, я хотел бы попросить всех проявить сознательность и не пытаться дезертировать, если у вас вдруг начнётся ностальгия, или нечто подобное. Путешествия во времени имеют свои последствия и если кто-то из вас решит бежать, или спрятаться в прошлом, тот скоро поймёт, насколько это опасно и для него самого, и для его близких!

Олендорф достал почти плоский предмет похожий на портсигар и показал всем.

– Это телепортатор. Он будет находиться у командира группы, группенфюрера Бориса Штейфона. Все остальные будут связаны с ним посредством радиомаяка. Командиру группы, будут даны инструкции как и при каких обстоятельствах вы должны будете вернуться назад. И если кто-то не понял, я ещё раз объясняю, что у фюрера достаточно таких приборов, чтобы перебросить в прошлое столько групп, сколько нужно, для поимки или ликвидации дезертиров...

– Я не ослышался, Боря, речь идёт о путешествии во времени? – тихо спросил у Штейфона Подольский.

– Именно, Александр Сергеевич, – так же тихо ответил ему Штейфон.

– У них разработки инженера Полежаева? – снова спросил Подольский.

– Полежаева? – переспросил Штейфон, – мы за ним отправляемся, Александр Сергеевич...

Глава 7

РОССИЯ; ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ; ЧУГУЕВ; ФЕВРАЛЬ 1912 ГОДА

– Осторожнее, осторожнее! – не-то умолял, не-то прикрикивал пристав на юнкеров, которых прислал полковник Фиалковский, чтобы те помогли вывезти всё найденное в подвале дома инженера Полежаева.

Ящики и контейнер подняли из погреба и погрузив на сани, под конвоем увозили в училище. Дольше всего поднимали контейнер. Его, как оказалось, два юнкера не смогли даже сдвинуть с места. Потом в дело включился юнкер Авилов, местный здоровяк под два метра ростом, бывший вдвое шире своих одноклассников. «Бочонок» взвалили ему на спину. Авилов покраснел, закричал, но виду не подал. Двое поддерживали бочонок у него на спине, а ещё двое поддерживали самого Авилова. Так и понесли к саням. То-ли «бочонок», то-ли Авилова вместе с «бочонком».

– Не вздумайте мне швырять! Души Богу отдадим, коли уроните! – крикнул вслед Калашников.

– Не замай... – ответил ему крихт Авилов и медленно опустил контейнер на сани.

– Буду считать, что сегодня штангу таскал, господа, – пошутил он и улыбнулся товарищам.

Потом прыгнул на сани сам и Калашников махнул извозчику, чтобы тот трогал.

– Что местным сказать? – подошёл Калашников к Виктору, глядевшему вслед уезжавшим на санях находкам.

– Главное местным бабам не говорите, что вывозили что-то ценное. Они тогда разнесут этот дом по кирпичикам, – ответил Виктор.

– Что верно то верно, – согласился Калашников и так же посмотрел на скрывающиеся за поворотом сани.

– Что дальше? – спросил Калашников.

– Едем в училище, – ответил Виктор, – проверим, чтобы их определили под надёжный караул и потом проведём купчиху Минаеву.

– А что Минаева? Приглашала в гости? – усмехнулся Калашников.

– Обещался быть до обеда, – сказал Виктор как-то равнодушно.

– Ну, уж коли купчиха Минаева жаждет Вас видеть, господин полковник, – ответил Калашников с усмешкой, – то стало быть чем-то Ваша персона её заинтриговала. Сия вдовушка ой какая не простая, хотя с виду может показаться душевной дамой. Где-то Вы ходите рядом с её интересом и она видать не хочет, чтобы разрушили Вы её идиллию.

– Идиллию? – не понял Виктор, – какую идиллию?

– А Вы загляните в местную клинику, к Фридриху Францевичу, – ответил Калашников, – это там где аптека, на перекрёстке у Базарной площади и Соборной улицы. Только не спрашивайте его в лоб. Он человек недоверчивый сам по себе. А так, поговорите о жизни, да о том о сём. А там глядишь, и я пригожусь!

Калашников улыбнулся и взял под козырёк.

– Жду интересных рассказов о чаепитии у купчихи Минаевой.

– К обеду увидимся, – ответил Виктор, так же взяв под козырёк.

Калашников направился к себе в околоток.

Виктор закурил, подумал и вспомнил, что последнее время у него сильно крутят суставы на ногах...

– Да, а к Фридриху Францевичу мне не мешало бы... – сказал сам себе Виктор.

Тем временем, в училище уже разгружали прибывшие сани...

– Аккуратнее, аккуратнее господа! – прикрикивал на юнкеров офицер, глядя на то, как они заносят ящики и непонятный металлический бочонок, слишком тяжёлый для своего размера, и тянут их на цокольный этаж, – его высокоблагородие вас явно не похвалит, если вы оброните один из них! Тут гауптвахтой не отделаетесь!

– Да не надрывайтесь, ваше благородие, – шутил в ответ один юнкер кивая на второго, – Авилов один нас троих стоит! Он тайком по вечерам в гимнастическом зале гири тягает!

Раздался дружный смех юнкеров.

Авилов, хотя и крепкий здоровяк семнадцати лет от роду, покраснел и отвернулся, делая вид что смех его не касается и что «бочонок» вовсе и не такой уж тяжёлый.

– А ну отставить смеяться! – приказал офицер, – давай сноси вниз и доложите капитану Подольскому, как приказал господин полковник!

– Есть, ваше благородие, – обиженно ответил юнкер, заворачивая на лестницу ведущую на цоколь.

Внизу их ждал немолодой капитан, из отставных. Низ его капитанского погона был пересечён толстой «шпалой», говорящей о том, что уволен он был почётно, с правом ношения мундира.

– И что вы привезли, господа юнкера?

– Куда ставить? – посмотрел на него тот самый юнкер, который шутил с офицером, – уж больно тяжёлые, Александр Сергеевич.

– В этих стенах, господин юнкер, я Вам не Александр Сергеевич, а ваше благородие, – ответил отставной капитан, – а ящики заносите в подземелье и оставайтесь на карауле в лаборатории. Авилова пропустите вперёд. У него, как я понимаю, самый тяжкий груз.

– Ну мы не завтракали! – начал было юнкер.

– ... а я распоряжусь о вашем завтраке, – прервал его капитан и направился наверх.

Подземелье, это была небольшая дверь за которой начинался длинный коридор подземного хода. О нём ходило много слухов, рассказывали целые легенды о спрятанных там кладках и сокровищах, но военные понимали его так, как он изначально был задуман. Тут хранили оружие и боевые знамёна. И сейчас, их хранителем, единственным хранителем, единственных настоящих сокровищ, был Александр Сергеевич Подольский, отставной капитан и преподаватель физики в юнкерском училище.

Юнкера, все кроме здоровяка Авилова, ругаясь и тихо возмущаясь занесли ящики в подземелье. Выйдя оттуда, заперли вход, скинули шинели и устроились тут же, в большой комнате на цокольном этаже. Эту комнату Подольский именовал лабораторией.

Здесь было много интересного. Но трогать приборы Подольский никому не разрешал. Поэтому, юнкерам только оставалось глазеть на стрелочки, магнетики, такие же магнитные, только огромные, диски и на то как Авилов, подцепив винтовку на плечо, молча чеканит шаги из угла в угол.

Так прошло полчаса.

– Присел бы, – кивнул Авилову один из юнкеров.

– Я сегодня в гимнастический зал собирался, – проворчал в ответ Авилов.

– Вот тебе и гимнастический зал, – усмехнулся юнкер.

– Тебе, Григорьев, только смешки да шуточки, – остановился Авилов глянув на товарища, – да ещё о девках романсы попеть. А мне заниматься надо. Я хочу Поддубного превзойти.

– Это какого Поддубного? Нашего Ваньку? – рассмеялись юнкера, – да он от горшка два вершка!

– Не нашего Ваньку, – нахмурился Авилов, поняв, что над ним смеются, – а великого гимнаста Ивана Поддубного! А наш Ванька вам не Ванька, а вице-унтер-офицер и командир нашего взвода!

Он ещё постоял, послушал тихие ухмылки друзей и снова начал ходить из угла в угол.

– Ну раз целого тебя поставили, – парировал ему Григорьев, – то стало быть нечто ценное обнаружили в том доме.

Григорьев тут же подумал и посмотрел на товарищей.

– А ведь и правда, господа! А кто знает что мы охраняем?

Не знал никто.

– Я думаю, – продолжал Григорьев, – мы имеем право знать что мы принесли в училище и что находится у нас за спинами!

– Да ничего там не находится! – ответил ему один из юнкеров, – начальство приказало сложить в подземелье ценный груз. И не отходить от него до особого распоряжения. А тебе бы в анархисты, Матвей! Там ты своим сразу придёшься!

– Это ещё почему? – недоумевал Григорьев.

– Приказы офицеров ты конечно не обсуждаешь, но уж больно возмущаешься, когда их приходится выполнять! – ответил юнкер и отвернулся.

Григорьев подумал.

– Нет... анархисты не по мне... я конечно за свободную личность, но предпочитаю называться командиром, а не атаманом банды налётчиков и террористов!

– После того, как получил хорошую взбучку от своего батюшки, – тихо проворчал ему в ответ Авилов.

За открытыми дверями слышались голоса. Возвращался Подольский. Он зашёл в лабораторию и глянул на юнкеров. Следом за ним зашёл Виктор.

– Здравия желаем ваше высокоблагородие! – вскочили, как один, юнкера при виде полковника, а Авилов тупо встал смирно, глядя на Виктора.

– Вольно, господа, – остановился в дверях Виктор, – прошу оставаться здесь и никого не впускать пока мы с господином капитаном рассмотрим находки. Разве только, если это будет его высокоблагородие полковник Фиалковский.

– Есть никого не впускать кроме начальника училища, – ответил Григорьев и отступил от входа в подземелье, пропуская офицеров.

Шло время. Подольский с Виктором закрылись в подземелье и не выходили очень долго, как показалось юнкерам.

Юнкера затихли, пытаясь ловить обрывки слов и фраз доносившиеся из-за дверей.

Григорьев прильнул ухом к двери в подземелье и едва только какой из товарищей даже шептал, как он тут же цыкал на него и грозил пальцем, продолжая слушать.

Наконец дверь открылась и Виктор с Подольским вышли.

– Подслушивали? – строго посмотрел Виктор на юнкеров.

– Никак нет... – проговорил Григорьев в ответ, покрутив головой.

– Смотрите мне, – пригрозил Григорьеву Виктор и позвал Подольского за собой.

Офицеры заперли дверь в подземелье и ушли.

– Господа, – растерянно произнёс Григорьев, глядя то на замершего в углу Авилова, то на остальных товарищей, – господа, как я понял, там находится что-то очень опасное для жизни. Мы охраняем... не бомбу, но что-то более страшное чем бомба!

– Что ты слышал? – кивнул ему, усмехнувшись в ответ, один из юнкеров.

– Они говорили про жидкий азот! И там он в смертоносно огромном количестве, господа! Это точно! – ответил Григорьев перепугано.

– На тебе лица нет, Матвей, расслабься, – сказал юнкер, – жидкий азот существует только теоретически и все попытки вывести его в лабораторных условиях завершились ничем. Тебе надо время от времени читать научные журналы, а не только революционные прокламации сепаратистов.

Григорьев отмахнулся, сел на лавку и отвернувшись прижал к себе винтовку.

– Хотел я ещё с утра в гимнастический зал, – слышался голос Авилова.

Авилов вздохнул и снова начал мерить шагами лабораторию.

Глава 8

Немолодой художник стоял перед Минаевой, которая небрежно читала его прошение. Она поглядывала то на художника, то на жёлтый лист бумаги, время от времени ухмыляясь.

– И чего же вы хотите? – наконец отшвырнула она прошение Чумаку, который на лету поймал его и скомкав, сунул себе в карман сюртука.

– Илья Ефимович обещали-с быть на будущий год, – неловко начал говорить художник, – хотелось бы сообщить ему хорошие новости о том, что проект Делового Двора рассмотрен Вами и Вы готовы приступить по весне к возведению Делового Двора. На сколько я знаю, он Вам прислал деньги на покупку Гридиной Горы, которую знает, как живописное место с чудесным видом на Донец и его оба берега.

– Что вы думаете? – усмехнулась ему Минаева, – да кому он тут нужен, ваш Репин! У нас некоторые гимназисты и лучше нарисовать могут! Что он может этот кантонист! И что он вообще о себе думает? Я на Гридину Гору уже под свои предприятия выкупила и ещё осенью торговые склады там поставила. Так ему и передайте. А хочет вернуть свои, якобы присланные им деньги, пусть приезжает и судится со мной. А то разболтались, людишки!

– Но, – опустил голову художник, – как же... он мировая известность и в Академии Художеств...

– Чугуеву он не нужен! – вскрикнула Минаева, – как ты осмелился просить меня за этого выскочку?

– Отчего же выскочку? – опешил художник, в недоумении глядя на Минаеву, – он признан достоянием Государства Российского...

– Достояние! – ухмыльнулась Минаева, – затиранил меня уж своими расспросами, куда деваются его жалкие гроши, которые он передаёт этому гадюшнику, что именуется тут ремесленным училищем! И ишь чего надумал? Деловой Двор ставить собрался, академии захотел тут открывать! Жили мы триста лет без академий. И ещё столько же поживём! Неровен час, какой-нибудь его академик, ещё и жандармов на меня натравит! А такие могут... – Минаева, смеясь глазами, посмотрела на художника, – все Вы одинаковы, радители чугуевские. Больно умные пошли и таких же умников воспитать пытаетесь. Не выйдет! Не нужны мне умники в городе! Хотите умничать, то Россия большая. А мы тут и без репинского приплода переживём.

В дверях зазвонил колокольчик.

– А это ещё кто? – указала на двери Минаева, посмотрев на Чумака.

– Понятия не имею, сударыня, – наклонился к ней Чумак, – что прикажете?

Минаева строго глянула на художника.

– Пшол прочь, – махнула она рукой, – и чтобы духу репинского в городе не было!

Потом посмотрела на Чумака.

– Спрячьтесь-ка, Терентий Свиридович, – сказала тихо Минаева, – я вижу, это барон фон Готт.

Художник тяжело вздохнул и направился к выходу опустив голову, в дверях столкнувшись с Виктором.

Виктор отступил, пропустив его.

Он глянул художнику вслед и прошёл в гостиную.

– Ой, барон! Барон Виктор фон Готт! Вы ли это? – улыбаясь, поднялась из кресла Минаева и приблизившись к Виктору остановилась в двух шагах, словно разглядывая его.

– Да уж, получил Ваше приглашение и как обещался, ближе к полудню прибыл к Вам, – ответил Виктор отдавая шинель камердинеру.

– А Вы, как я вижу, ночь не спавши? – улыбнулась Минаева, – не желаете ли чаю, или крепкого кофе?

– С удовольствием выпью крепкого чаю, – улыбнулся ей в ответ Виктор.

– Распорядитесь про чай, – махнула Минаева горничной.

Та кивнула и удалилась на кухню.

– Всё, знаете ли, всё больше слухи о Вас получаю, барон, – Минаева подала ему руку для поцелуя.

Виктор поцеловал ей руку и Минаева, лёгкой улыбкой и таким же лёгким кивком головы, пригласила его пройти в гостиную.

– И каковы последние слухи? – спросил Виктор.

– Сказывают, что у нас в городе исчез какой-то человек, прибывший из Петербурга? – скорчила Минаева удивление на лице.

– О, я Вас уверяю, – ответил Виктор, так же подыскивая нужное, более важное, выражение лица, – люди не пропадают без причины. Он жив, и мы в этом уверены. Я думаю он скрывается где-то в Чугуеве и очень скоро мы его отыщем.

– Ужас какой, – проговорила, вроде как испуганно, Минаева, – в моём городе скрывается преступник?

На этом самом «моём» она сделала какой-то особенный акцент, который Виктор без труда уловил но не подал виду.

– Ну почему же преступник? – ответил он, – человек явно болен. И ему нужна помощь врачей.

Минаева довольно улыбнулась.

Подали чай и кипящий самовар.

– Я слышала, что из его дома сегодня будто вывозили что-то? – спросила она вроде как нечаянно и тут же оборвала себя саму, – ой, да ну что это я всё о Вашей службе? Очевидно Вы и без того ею утомлены, барон?

– Ну что Вы, – ответил ей Виктор, – это меня вовсе не отягощает. Да, мы нашли в доме Полежаева нелегальную литературу и краску для печатного станка. Но сейчас, все наши находки под надёжной охраной. Не думаю, что в ближайшее время что-либо нарушит спокойствие обывателей.

– Вы не представляете как это меня радует, – улыбнулась Минаева, – знаете, я всё больше пекусь о благополучии местных обывателей и меня очень интересует всё что происходит в нашем городе. Недавно, наше собрание даже заслужило похвалу Её Светлости Великой Княгини Марии Феодоровны. Вы не знакомы с Её Светлостью? – она прищурила глаз пытаясь уловить реакцию Виктора на вопрос.

Виктор улыбнулся.

– Не имею чести знать Великую Княгиню Марию Феодоровну, – спокойно сказал он.

– Вот, а мы с ней переписываемся, – вздохнула Минаева, – но впрочем, наверное Вам скучны мои душевные дела? Скажите, а надолго ли Вы к нам в город? У Вас чисто служебный интерес, или желаете у нас поселиться? У нас, знаете ли, по весне и летом очень хорошие пейзажи. Особенно в сельце Кочеток. Не намерены ли Вы купить там домишко, чтобы проводить у нас лето?

– Намерен, – кивнул Виктор, – но думаю, что повременю с этим в ближайшие несколько лет.

– Смотрите, – улыбнулась Минаева, – если Вам нужен домик получше, то я могла бы замолвить словечко в местном земстве.

– О, – будто обрадовался Виктор, – так Вы имеете влияние на земские власти?

– Ну конечно же! – улыбнулась Минаева, – я ведь предводительствую в местном дворянстве!

– Чудесно! – кивнул в ответ Виктор, – и как обстоят дела в местном собрании? А то, знаете ли, всё не имел чести посетить вас. Даже неудобно получается.

– Можете прибыть, – кивнула Минаева снисходительно, – мы устраиваем приёмы каждую субботу в нашем здании на Дворянской улице. У нас бывает весь цвет местного общества и мы часто принимаем почётных гостей. Будете одним из них.

– Благодарствую, Капитолина Николаевна, – кивнул, улыбнувшись в ответ, Виктор.

– А сами-то Вы, чай не родственник фон Дитерихса? – спросила она, пристально посмотрев на Виктора, – уж больно лица ваши схожи? Мы, знаете ли, с фон Дитерихсом очень дружны!

– О, ну что Вы! – ответил Виктор, – не имею чести знать уважаемого барона Дитерихса. Да и родственники мои поскромнее будут.

– Странно, – усмехнулась Минаева, – это очень известные люди в Петербурге. А кто же Ваши родители?

– Отец, – подумал Виктор, – в молодости служил в драгунском полку, как и я, воевал, потом занялся наукой. Мать учительствовала. У нас большая семья и я давно из них никого не видел. Надеюсь на скорую встречу с ними, Капитолина Николаевна.

– Я Вам сочувствую, барон, – вздохнула Минаева, – я вот тоже давно никого не видела из своих родных. Но надеюсь, что и не увижу, – улыбнулась она отставив чашку, – а каковы планы на ближайшие дни?

– Хотелось бы съездить в Купянку, – спокойно сказал Виктор, – говорят, там недавно поселился бывший гарнизонный врач?

– Кузьма Демьянович? – удивилась Минаева, – ой, давно о нём не слышала! Можете не передавать от меня поклон, ежели с ним встретитесь! Я сама надеюсь лично увидеть его, на Пасху! Он очень любит посещать Всех Скорбящих Радосте, – перекрестилась Минаева посмотрев куда-то вверх и снова глянула на Виктора не сводя улыбки с лица.

– Да, он далеко не гордость нашего города. Хотя один из лучших врачей, даром что убил свою жизнь на службе. Вы представляете, сколько бы он блага сделал нашему городу, будь он подальше о Чугуева? А он вот, как на радость, взял и удалился к себе в имение.

– Видать имел причины? – спросил Виктор.

– Да, последнее время он чудил, озлобился как-то, – подумала Минаева продолжая улыбаться, – начал рассказывать всем... – она замешкалась, – жуткие вещи!

– Жуткие? – удивился Виктор, – и какие же, разрешите поинтересоваться?

– О да, понимаю, – кивнула Минаева, – вы, как человек военный, полковник, просто обязаны это знать! Он связался с этими... – она подумала, – с бунтовщиками, которые пытаются подорвать спокойствие нашего Государя Императора!

– И есть доказательства? – посмотрел на Минаеву Виктор.

– У меня они всегда есть, – ответила Минаева, – он лично мне, в присутствии мадам Хватынцовой и мадмуазель Токаревой, заявлял что в нашем городе нужно учредить какой-то совет из достойных горожан. А на наши замечания, что у нас и так существует и купеческая гильдия, которая заправляет вопросами коммерции, и наше почтенное собрание, заправляющее благотворительностью, знаете что он отвечал?

– И что же? – спросил Виктор.

– Он назвал нас ворами и проходимцами, – вздохнула Минаева, – стало быть, дворяне и купцы, которые копейка к копейке собирают фонд нашего города, это воры? Мы например, недавно открыли больницу для страждущих детей. А между прочим, Гречко держал больных деток в своём лазарете и буквально использовал талант замечательного доктора Файста! Вы знакомы с доктором Файстом?

– Не имел надобности, слава Богу, – усмехнулся Виктор, – да уж, ваш Гречко действительно подозрительная и интересная личность.

– Вот именно, – кивнула Минаева.

– А что купеческая гильдия? – вдруг спросил Виктор и Минаева немного даже растерялась, – как там обстоят дела? Я слышал, что купец Зайцев недавно обзавёлся новым особняком?

– О! Вы видели этот особняк? – воскликнула Минаева, – он прямо в центре нашего города, возле городской думы!

– Тот что по ночам светится иллюминацией? – улыбнулся Виктор.

– Правда красиво? – восхищённо спросила Минаева, – детишки как радуются! А ёлка на Рождественские праздники, была просто замечательная! Что ещё нужно детям, чтобы обрести радость в жизни? Конечно же праздник!

– Согласен, – кивнул Виктор, – очень красиво. Как я понимаю, это не единственное достижение местных купцов? На базаре народ возмущался, что мало места для торговли? А я, как поглядел, так вроде и площадь не такая уж и маленькая, и лавки поставить можно. Разве городские власти воспрепятствуют торговле?

– Ну что Вы, барон, – усмехнулась Минаева в ответ, – в нашем городе всё делается только по закону. Это возмущались торгаши, – скривила пренебрежительную гримасу Минаева, – знаете, разные бабки-молочницы, мальчишки с бубликами да спекулянты разной масти. Того гляди и продадут негодный товар, от которого потом животом люди страдают.

Она вздохнула.

– Беспощинная торговля у нас воспрещена. А пошлину взимают лишь после проверки товара купеческой гильдией и пошлина вся направляется на благотворительность.

– А отчего не градоначальником? – спросил Виктор.

– Ну что Вы, пошлина должна сразу же приносить пользу, – торжественно заявила Минаева, – мы не устаём подавать и подавать требования Лубенцову. И под нашим давлением, он принимает решения во благо нашего города!

– Превосходно! – улыбнулся Виктор, – я вижу, знакомство с Вами действительно полезное. Но сейчас мне пора.

– Ну и меня прошу извинить, дела, – улыбнулась Виктору Минаева.

Виктор встал.

– Был очень рад общению с Вами и обещаюсь посетить ваше собрание в одну из ближайших суббот.

– Буду ждать, – подала ему руку Минаева.

Виктор поцеловал руку, попрощался кивком головы и направился к выходу.

Камердинер подал ему шинель.

Минаева стояла, провожая Виктора взглядом, улыбаясь ему вслед. Когда он, выходя обернулся, она помахала ему рукой и едва за Виктором захлопнулась дверь Минаева посмотрела в сторону.

– Терентий Свиридович, что Вы можете сказать? – подозвала она прятавшегося в соседней комнатке Чумака.

– Не знаю, Капитолина Николаевна, – вышел из укрытия Чумак, – он немногословен и видно, что сам изучает Вас. Кроме того, с каких пор военная разведка, да ещё и морского ведомства, да ещё и целый полковник из самого Петербурга, ловит пропавших сумасшедших? Не к добру это, знаете ли, – покачав головой он посмотрел на Минаеву.

– Он ни с кем не знаком, – посмотрела Минаева на двери, из которых только что вышел Виктор, – или хочет, чтобы все поверили, что он ни с кем не знаком. Замашки с претензиями на благородство, но... – она подумала, – он больше похож на человека, которому очень повезло в жизни. Уж я таких чувствую, – усмехнулась она, посмотрев в ответ на Чумака, – постарайтесь-ка, Терентий Свиридович, чтобы он уехал как можно скорее, – снова глянула она на Чумака.

– Подумаем, Капитолина Николаевна, – кивнул ей Чумак в ответ...

Калашников встретил Виктора, с порога рассмеявшись.

– Ну, как завтрак с купчихой Минаевой? Чай не закармила в усмерть?

– Не закармила, – так же усмехнувшись в ответ, сказал Виктор.

Он скинул шинель и присел напротив Калашникова.

В околоте скучал только дремавший в снях городской, а Калашников читал старую газету.

– Вот смотрите, господин полковник, – сунул газету Виктору Калашников, – специально сходил домой за этим обрывком. Благо сохранил. Статейка даже интересная, понимаете ли. Тут какой-то Эйнштейн из Германии, пишет о свойствах атомов.

– Эйнштейн? – взял газету Виктор.

– Да не-то патентщик, не-то нотариус, я так и не понял кто он такой, – ответил Калашников, – но видно, что неглупый человек и в физике разбирается получше меня. Он упоминает об особенных свойствах низких температур и их влиянии на структуру атомов. Не мог ли наш инженер Полежаев, заниматься какими-то научными изысканиями в этой области и собрать такую вот машину, для воздействия на атомы?

Виктор пробежал глазами статью.

– Жидкий азот это сверхнизкие температуры, – подумал он, – и пожалуй Вы правы, господин Калашников. Полежаеву нужна была температура воздуха, которая при определённых условиях преобразует частицы атома в кристаллы, позволяя, вроде как, «консервировать» и сохранять их. Только из записок Полежаева следует, что консервировать он пытался атомы хронополя.

– Атомы чего? – не понял Калашников.

– Консервировать хронополе, как он называл время, – ответил Виктор, – по версии Полежаева, время, это такое же явление как и огонь, например, – отложил Виктор газету, – его можно ускорить, замедлить, хронополем можно переместиться в другую эпоху и заморозить его, сохранить, будто напечатать фотографическую карточку. Для этого ему нужны были сверхнизкие температуры.

– Консервировать время? – усмехнулся пристав, – зачем это ему?

– Момент существенный и важный, – кивнул Виктор, – представьте такую ситуацию, что вроде как Вы переместились на сто лет назад и встретили там, в прошлом, своего молодого прадедушку.

– Ну, было бы интересно, – подумал Калашников.

– Вот, – продолжил Виктор, – на радостях вы оба напились и ненароком его убили.

– Ну... – подумал Калашников, – грешно даже думать о таком, но могу и такое представить.

– Что будет, – посмотрел на него Виктор, – если предположить, что Ваш прадед ещё даже не был знаком с Вашей прабабушкой, и соответственно, Ваш дед ещё не был рождён?

Калашников глянул на Виктора.

– Вы клоните к тому, что я тоже умру?

– И не просто умрёте, – ответил Виктор, – Вы исчезнете в тот же миг, исчезнет всё что было связано с Вами. И те события которые произошли благодаря Вашему непосредственному, или, хотя бы косвенному вмешательству, никогда не произойдут. И соответственно, не произойдут и те события, которые как-то были связаны с ними. Ваши дети никогда не родятся, а любая память о Вас исчезнет. Исчезнет память и о том всём, что с Вами хоть как-то было связано. Пропадёт целое звено истории.

– Я никогда не задумывался об этом, – кивнул в ответ Калашников, – а ведь и правда, убей в прошлом, эдак лет двести назад, какого-нибудь забулдыгу, кое-какие события можно изменить.

– Не просто события, – ответил Виктор, – историю можно изменить до неузнаваемости. Он вздохнул.

– Инженер Полежаев изобрёл метод, с помощью которого всего этого можно избежать.

– То есть... – не понял Калашников.

– То есть, – ответил Виктор, – он без труда может проникнуть в прошлое, убить Вашего прадеда до рождения Вашего деда, без всяких последствий для истории. Вы, конечно, не родитесь, но вот цепочка истории которая не состоялась из-за смерти Вашего прадеда, будет сохранена, хотя бы на бумаге, или в фотокарточках.

– Каким образом? – не понял пристав.

– Ну это уж я не знаю, какие возможности у Полежаева, – ответил, подумав, Виктор, – нам-то с Вами достоверно известно, спасибо тому что Полежаев оставил нам гильзу, что гений прибыл к нам не из Харькова, и не из Петербурга, а из далёкого будущего.

– Хотите сказать, что он тут кого-то убил? – посмотрел Калашников на Виктора.

– Скорее нет, – кивнул в ответ Виктор, – он мог что-то изменить, что-то такое, что для нас и не важно, практически незаметно, но очень сильно повлияло на ход истории там, в его времени. А вот его внезапная пропажа говорит только о том, что он сам спасался от убийцы.

Калашников вздохнул, перекрестился и помотал головой закрыв глаза.

– Или убийц, – подумал он, – Пресвятая Богородица, в какую же пакость мы с Вами, господин полковник, вляпались-то?

– Трудно сказать, – ответил Виктор, – но судя по всему, ничего приятного ожидать не стоит.

Он подумал и протянул приставу скомканный обгоревший клочок бумаги.

– Вот, скорее всего он пытался что-то уничтожить перед своим уходом, – сказал Виктор, – но эта страничка блокнота не захотела сгорать.

– И что же он хотел от нас скрыть? – посмотрел пристав на обгоревший лист.

– Вряд ли это что-то нам скажет, – сказал Виктор, – такого ведомства как РСХА не существует. И это я знаю точно.

Пристав глянул на Виктора, потом снова перевёл взгляд на клочок бумаги. Это был бланк где текст почти не узнавался. В самом верху Калашников увидел германского орла.

– А что это за знак от сжимает в лапах? – спросил пристав глянув на Виктора.

– Это свастика, господин Калашников, – вздохнул Виктор в ответ...

Глава 9

ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ; ИЗЮМСКИЙ УЕЗД; ФЕВРАЛЬ 1912 ГОДА

– И далеко от Чугуева эта Купянка? – курил уже не первую папиросу Виктор, глядя на заснеженную дорогу бегущую навстречу.

Он сидел рядом с извозчиком, который, как казалось не чувствует ни времени, ни пути, ни холода.

– Вёрст двадцать ещё будет, барин, – равнодушно ответил извозчик не глядя на Виктора.

Виктор оглянулся назад, где развалившись на сене словно на диване, лихо сбив папаху набекрень, насвистывал какую-то весёлую песенку молодой штабс-капитан.

– Чего ты там свистишь? – кивнул ему Виктор.

– «Сказки венского леса», господин полковник, – не оборачиваясь ответил штабс-капитан.

Виктор перелез к нему и присел рядом на край телеги.

– Лихо Вы нас на телеге отправили, – рассмеялся штабс-капитан, – лучше не придумать. Глядите, чтобы этот Гречко не ополоумел, увидев нас на сене. Ждёт поди экипажа запряжённого тройкой борзых, а тут деревенская кобылка.

Штабс-капитан снова рассмеялся и продолжал смотреть на убегающую дорогу.

– Телега как телега, – ответил Виктор, – отойдёт Гречко, не ополоумеет.

Он посмотрел на задумавшегося штабс-капитана.

– Давно хотел спросить у Вас, Ваня, – тихо произнёс Виктор.

– Спрашивайте, господин полковник, – усмехнулся штабс-капитан, переводя взгляд на Виктора.

– Вы ведь Вайсберг? Вы – еврей? – кивнул Виктор прищурив глаз.

– Да ну что Вы, – усмехнулся Вайсберг, – я русский, – он снова посмотрел на дорогу о чём-то задумавшись.

– Русский с фамилией Вайсберг? – спросил Виктор.

– Вайсберг, – кивнул Ваня не глядя на Виктора, – батюшку моего покойного, на Чугуев ещё мальчонкой пригнали, в одном из последних конвоев. Я из кантонистов, – он посмотрел на Виктора грустно усмехнувшись, – его тогда крестили и стал он Дмитрием Яковлевичем. Правда, потом вернулся в веру отцов. А я...

Он снова глянул на дорогу, о чём-то подумал и снова перевёл взгляд на Виктора.

– А я крестился, чтобы приняли в наше юнкерское.

– С тех пор Иван Дмитриевич? – спросил Виктор.

– Иван Дмитриевич, – кивнул Вайсберг, – правда фамилию менять не стал, – хотели было меня Беловым записать, да я не дал. А брат записался.

– Вайсберг звучит благородней, – согласился Виктор.

– А то как же? – усмехнулся Вайсберг, – хочу детям потомственное дворянство заслужить. Батюшка мой наверное и не чаял, когда по морозу их гнали на Чугуев, что внуки уже дворянами будут!

Вайсберг снова усмехнулся и о чём-то задумался.

– И много тут таких? – спросил тихо Виктор, – из кантонистов?

– Офицеров много, улан ещё больше, а врачи почти все, – ответил Вайсберг, – а отчего Вы интересуетесь, господин полковник?

– Да я сам из Могилёва, – улыбнулся Виктор, – мою матушку, приёмную, Сарой Готт зовут. А мой младший брат раввин, правда живёт он далеко от России.

– О, так Вы из наших? – обрадовался Вайсберг, – значит мы с Вами можем поговорить на идиш?

– Можем, – усмехнулся Виктор, – ведь мы самые русские из них, Ваня...

Вайсберг подсел к Виктору и по дружески положил ему руку на плечо.

– Вы уж простите господин полковник, за такое панибратство, – рассмеялся он, говоря уже на идиш, – не признал сразу. Матушке Вашей от меня кланяйтесь, хотя и не знаю её. Но должно быть она настоящая мама, раз сына такого воспитала! И пожалуй Вы правы, мы тут самые русские. Даже наш раввин Шмуль Викнелсон!

– Полно Вам, штабс-капитан, – усмехнулся Виктор, – даже за океаном мы словно строим Россию вокруг себя. Как там у Рабби Нахмана?

– Да, – кивнул Вайсберг, – это он ответил на вопрос, нужно ли нам всем бросить всё и убраться в Палестину, – Вайсберг рассмеялся, – бросить всё! И могилы дедушек с собой забрать? Их не заберёшь! Как там ответили скифы Дарию? «Могилы предков! Попробуй, возьми их!» Я понимаю так, что это самое святое из всех мест человеческих. Ведь правда, господин полковник?

– Самое святое из мест человеческих это память, Ваня, – ответил, подумав Виктор, – хотя, пожалуй Вы правы. Что выше может быть в памяти, чем память о своих родителях? Даже если нет могилы, и даже если она там, куда нет никому хода.

– А ведь есть такие места, – согласился Вайсберг.

Он подумал, посмотрел куда-то в сторону и снова обернулся к Виктору.

– Порой и не знаешь где уснёшь навеки и найдёшь свой последний приют. Вот отец мой покойный сказывал, что под Плевной много наших полегло. Кое-кого и по частям собирали. Руки отдельно, ноги в стороне, голова вроде и цела, а возмёмься – и та разбита. И кто знает чьи руки и ноги в могилу к кому положили.

Он снова подумал.

– А многих вообще не нашли. У нас на Думской старая мадам живёт. У неё три сына пошли на Болгарию в той войне. И ни один не вернулся. А нашли на поле боя только одного.

– Ужели пропали? – удивился Виктор.

– Пропали, – махнул рукой Вайсберг, – как сгинули.

Он посмотрел на Виктора.

– Старики сказывают, что их вроде ангелы забирают на небо, – сказал он тихо, – только я-то знаю, что ангелы эти шрапнелями да снарядами зовутся. Один в тебя попадёт – разорвёт так, что и воронью клевать будет нечего, не то что хоронить.

Он подумал.

– Вот Гречко, к которому мы едем, ту войну от начала до конца прошёл. Он больше расскажет.

– А кем он там был? – спросил Виктор.

– Военфельдшером, – ответил Вайсберг, – отец сказывал, что на Шипке ему руку в двух частях пробило. Его в родной госпиталь забрали, а он истерику закатил как кисейная барышня.

– Зачем истерику? – не понял Виктор.

Вайсберг усмехнулся.

– На передовую обратно просился, – ответил он, – а начальник его не пускал. Так говорят, Гречко самому Скобелеву пожаловался.

– А что Скобелев? – спросил Виктор.

– А что Скобелев? – словно равнодушно ответил Вайсберг, – начальнику ничего, Гречко к Георгию, но на передовую не пустил.

– Значит Гречко ещё тот вояка? – усмехнулся Виктор.

– Да, из старых, про которых говорят «Были люди в наше время!», – посмотрел Вайсберг на Виктора покачивая головой, – да сами увидите, господин полковник, – улыбнулся Вайсберг.

Кузьма Демьянович Гречко, седой, но моложавый человек с быстрыми глазами и большим орлиным носом, скорее здоровый телом, чем грузный, пребывал в чине подполковника. Сказать, что он был молчалив – нельзя. Скорее задумчив. И сказать что он был улыбчив, тоже было нельзя. Скорее он старался показать, что он дружелюбен. Хотя, его таковым не считали.

Гречко был немногословен и постоянно соглашался со всем что ему говорили собеседники. Но всегда делал так как считал нужным.

Когда к порогу его имения подъехали сани, в которых он увидел Виктора и Вайсберга, двух офицеров, Гречко в начале немного опешил, но потом взял себя в руки чтобы не показать своего удивления.

– Ожидай нас, милейший, – махнул Виктор извозчику и направился к Кузьме Демьяновичу. Вайсберг последовал за Виктором в двух шагах позади.

– Кузьма Демьянович, – Виктор кивнул Гречко и приложив руку к козырьку фуражки, подал руку, – слышан про Вас, господин подполковник.

– Да уж, здоровья желаю, – пожал ему руку Гречко, – полковой врач 10-го гусарского Ингерманландского полка, – подполковник Гречко.

– Полковник Виктор фон Готт, – представился Виктор, – военная разведка Морского генерального штаба. И мой сопровождающий, – кивнул он на Вайсберга, – штабс-капитан Иван Дмитриевич Вайсберг, полковая разведка 10-го гусарского Ингерманландского полка.

Вайсберг, просто, по военному отдал честь.

– Знакомы, господин подполковник, – сказал он.

– Отобедаете, господа офицеры? – улыбнулся Гречко.

– Отчего же не отобедать? – сказал в ответ Виктор.

– Тогда пожалуйста в дом? – уступил Гречко дорогу Виктору, – живём не богато, но такие гости у нас частые. Прошу...

За обедом разговоры шли ни о чём. Жена и дочка Кузьмы Демьяновича были полными противоположностями своего мужа и отца. Их интересовало всё. И что нового в Харькове, и что нового в Чугуеве, и особенно, что нового было в Петербурге.

– Ждём Императора ближе к лету, – окончил свой рассказ Виктор, предварительно поведав все светские новости Харькова, – а вот Чугуев... – он помолчал, – Чугуев, он как всегда.

– Часто у нас бываете? – вежливо улыбнулась ему супруга Кузьмы Демьяновича.

– Часто, – спокойно ответил Виктор, – последние пару лет, я практически через каждые полгода живу в Харькове и в Чугуев заезжаю по мере необходимости. Знаете, мне тут даже больше нравится. У вас и воздух иной, – посмотрел он на супругу Кузьмы Демьяновича.

– Воздух тут действительно превосходный, – сказала она, – Купанка не хуже Чугуева, даже во многом лучше. И жизнь здесь пошла совершенно по иному когда построили станцию. Кстати, отчего вы не прибыли паровозом?

Виктор улыбнулся.

– Ну разве мы могли потерять чудесные мгновения пейзажей русской зимы?

– Недаром у нас родились художники Рашевский, Чаплыгин и его воспитанник Репин, – ответила жена Кузьмы Демьяновича, – я даже не хочу возвращаться в Чугуев. Репин ведь тоже не хочет? Не правда ли, Виктор Иосифович?

– Да, – кивнул Виктор, – но у него на это совершенно иные причины. Я имею честь быть знакомым с Ильёй Ефимовичем. Когда я первый раз в своей жизни прибыл в Петербург, то первым делом направился к нему в Финляндию. Благо не далеко. Просто, чтобы познакомиться с ним. С той поры мы дружны. Хотя, как я слышан, он скоро должен прибыть в гости к своей родне.

– А правда, что они простые крестьяне? – слышался голос дочери Кузьмы Демьяновича.

– Гррр... – посмотрел на неё Гречко.

Девушка виновато опустила глаза.

– Ну почему же простые крестьяне, Феодосья Кузьминишна? – подумал Виктор ответив ей, – Репины состоятельные люди. Матушка его из духовного сословия, а братья подались в купцы. Илья Ефимович владеет огромным имением в Финляндии. Недавно к нему приезжали из Харькова его друзья и привезли весточку о том, что он собирается открыть в Чугуеве собственную школу искусств.

– В Чугуеве? Школа искусств? – чуть не рассмеялся Гречко, – в нашем Чугуеве опасно открывать даже конюшню, – он быстро изменился в лице, – не то что конюшню! Стоило для лошадей! – посмотрел Гречко на Виктора, – разворуют – это одно. Но вот образ мышления наших чугуевских людей – это совершенно другое.

– А что чугуевские люди? – спросил Вайсберг, – люди как люди. Тоже стремятся к прекрасному, хотят улучшить свой быт и жить не хуже чем в Париже.

– Ой, как Вы молоды, мой мальчик! – рассмеялся Гречко, – я прожил в Чугуеве всю свою жизнь и скажу честно, что за прекрасными декорациями зелёных садочков и беленьких домиков, прячется ужасный, страшный монстр. От него я сбежал в деревню. Где, поверьте, просто счастлив. И я меняюсь душой, едва мне опять приходится приближаться к тем садочкам и домикам.

Гречко помолчал.

– Искусство... – проговорил он, – несчастный Илья Ефимович! Он старается сделать этих людишек лучше, а у них каждая их мысль – извращена, они выворачивают наизнанку всё, даже себя самих. Знаете почему?

– Почему? – кивнул ему Виктор.

– У них в душах грязь, – ответил Гречко, – жуткая грязь. И они, естественно, видят вокруг только грязь. А едва появляется что-то большое и светлое, будь то мысль, порыв, даже душа, как они начинают клеймить её грязью, потому что себя считают чистотой. Ищут подвох. Стремятся опорочить и охаять. Они просто не могут по другому. Они не умеют по другому думать. И они не виноваты в том, что они такие.

– Но ведь они такими не родились? – сказал Виктор.

– О нет, Боже упаси! – ответил Гречко, – детки рождаются миленькими, славненькими, добрыми ангелочками. У них души как сказочные феи, порхают, стремятся к свету. И вот, едва дитя подлетает к этому свету, как бежит мамка, привыкшая к тому что она уличная девка. Хрясь этого ангелочка! «Ты куда!? Не видишь, оно не похоже на твою мамку!» А мамка-то для дитя, это идеал и образец подражания? И дитя начинает думать, что свет и добро – это плохое, а уличная девка это хорошо. А всё почему? Они не видят ничего кроме кабаков, распутниц, пьяниц и не слышат ничего кроме огульной кабацкой брани. И для них это хорошо. Это их рай. Рай нищих и духовных калек. И когда кто-то пытается переубедить их, построить в городе что-то непохожее, непонятное для них, против него ополчается весь город. И все ищут грязь. Втаптывают в грязь этого наивного. Исправляют, так сказать.

Гречко снова помолчал.

– Знаете как я называю этот город? Не иначе как «Оно»!

Обед подошёл к концу.

Гречко помолчал, потом бросил взгляд на супругу и чуть улыбнувшись кивнул.

– С вашего позволения, мы покинем вас и удалимся в библиотеку, – тихо сказал он, – не думаю, что господа офицеры прибыли послушать моё мнение о наших земляках.

– Дамы, – поднялся Виктор, – было приятно провести с вами время, но знаете, дела.

– Приезжайте почаще, полковник, – ответила супруга Кузьмы Демьяновича, – и Вы, господин штабс-капитан, – посмотрела она на вставшего вслед за Виктором Вайсберга, – я слышала Вы местный?

– Всенепременно, – чуть улыбнулся ей Вайсберг, – будете в Чугуеве, я тоже буду рад встречи с Вами.

– Думаю, к Пасхе мы приедем провести родных, – ответила дочка Кузьмы Демьяновича.

– В этом случае, буду рад сопровождать Вас, мадмуазель Гречко, – посмотрев на неё, слегка кивнул головой Вайсберг.

– Ну полно, увидите, – встал Гречко и позвал офицеров за собой...

– Я так понимаю, – зайдя в библиотеку Гречко присел в своё привычное кресло-качалку и бросил взгляд на Виктора, – разведку Морского генерального штаба мало интересуют вопросы строительства Делового Двора? Присаживайтесь, господа, – указал он на стоящие неподалёку стул и табурет, – если интересуетесь, у меня есть интересные экземпляры в этом собрании.

– Интересует, – взял Виктор с полки одну из книг, а Ваня послушно присел, наблюдая за тем как Виктор перелистывает страницу за страницей.

– Шекспир, в оригинале? – посмотрел Виктор на Гречко, отложив книгу, – восемнадцатый век, бесценный фолиант! Знаете, мне с детства нравился шестьдесят шестой сонет! Помните, ещё мальчонкой, в школе на уроке я зачитал его с выражением, вслух. За что был нещадно бит одноклассниками.

– Хе! – усмехнулся Гречко, – «Зову я смерть! Я досмерти устал от гордости, идущей в приживалки...», – произнёс он выразительно, глядя в сторону, – кому же понравится правда в глаза! – и перевёл взгляд на Виктора, – а Вы учились не в гимназии? Я думал, что барон должен бы был как минимум окончить именно гимназию, если не лицей?

– Мне было девять лет, – ответил Виктор присев на стул, – а в десять со мной уже занимался лучший гувернёр штата Нью-Джерси.

– Вы жили в Североамериканских Соединённых Штатах? – удивился Гречко.

– Можно сказать, что я там вырос, – кивнул Виктор, – а родом из Могилёва, – он улыбнулся и вздохнул, – если Вы не против, мы можем перейти к делу?

– Конечно, господа, – сказал Гречко, – так чем интересна моя личность Адмиралтейству?

– Вам знаком некто Георгий Полежаев, инженер, изобретатель и немного странный человек? – спросил Виктор.

– Сразу прямо? – улыбнулся Гречко, – значит вам известно больше чем Вы говорите, полковник! Ну что ж, тогда скрывать, как я понимаю, нечего?

Виктор молча покрутил головой глядя на Гречко.

– Мне он знаком, – продолжил Гречко, – и я думаю, Вы прекрасно, и даже лучше меня знаете, что никакой он не странный, и даже не немного. Он гениальный и достойный сын Отечества нашего. Я думаю, что Вы вполне разделяете моё мнение касательно него. Вас интересуют его разработки?

– Интересуют, – кивнул Виктор.

Гречко подумал.

– Вы верите в то, что вокруг не только нашей планеты, но и вокруг каждого предмета и существа, существует магнитное поле?

– Вращающееся магнитное поле, которое может служить так же средством передачи информации, – ответил Виктор, – а так же, данные магнитные поля, при определённых условиях, могут вызывать эффект «кротовых нор», туннелей пространства-времени. А при определённых температурных условиях, существует возможность так называемой «заморозки информации хронопольа и измерения».

Гречко удивлённо посмотрел на Виктора.

– Последнее, – сказал Виктор, – изобретение инженера Полежаева.

– О том, что вращающееся магнитное поле вовсе не теория, знает только один человек на Земле, – проговорил тихо Гречко, – это Никола Тесла.

– Нет, – покрутил головой Виктор, – знают двое. Ещё есть инженер Гудвин. Хотя, знаете так же Вы, Полежаев и как видите, мы с господином Вайсбергом.

– Хорошо, – пришёл в себя Гречко, – значит Морской генеральный штаб заинтересовался работой Георгия Полежаева?

– Я бы сказал, – поправил его Виктор, – разведка имеет интерес, чтобы изобретение это служило России, но...

– Чтобы о нём знал только определённый круг лиц, включая Государя Императора? – спросил Гречко прервав его.

– Именно, – кивнул Виктор, – и нам очень хотелось бы знать, делился ли Георгий Полежаев своими планами с Вами.

– Был он у меня две недели назад и планами делился, – встал Гречко, подошёл полкам с книгами, взял с неё две толстые тетради и протянул их Виктору, – вот то что он оставил мне на сохранение. И сразу предупреждаю, что это копии его записей.

Он присел обратно в кресло.

– А оригиналы? – посмотрел на него Виктор.

– Полежаев говорил, что отправил их мадам Кюри, – ответил Гречко.

– Марии Кюри? – посмотрел на него Виктор бегло листая тетради.

– Не знаю зачем, но Полежаев очень спешно покинул Чугуев, – ответил Гречко.

– А куда мог отправиться Полежаев, господин подполковник? – спросил у него Вайсберг.

– Он не говорил, – подумал Гречко, – сказал только, что у него есть информация о прибытии людей от некоего Олендорфа.

– Олендорфа? – удивился Виктор, – но как такое возможно?

– Вы знаете кто это? – посмотрел на Виктора Вайсберг.

– В том-то и дело, что знаю, – ответил ему Виктор.

– Я понимаю так, что это ваши коллеги из Германии? – глянул на них Гречко, – дело идёт к войне, если я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – вздохнул Виктор, – нам пора, с Вашего позволения.

– Ну, не смею задерживать господ разведчиков, – ударил себя ладонями по коленям Гречко и встал.

– Будете в Купянке просто так, не обязательно по службе, всегда будем рады Вам, господа, – сказал он, – а найдёте инженера Полежаева, то кланяйтесь от меня. Знаете, таких людей беречь надо как зеницу ока, а не вынуждать их прятаться от белого света. А ведь мог бы быть гордостью России...

– Вы меня удивляете своими познаниями, господин полковник, – сказал Вайсберг, когда уже вышли на улицу и сани тронулись в обратный путь, – неужели этому всему учат наших разведчиков?

– Этому учат в Сорбонне, – ответил Виктор.

– Вы окончили Сорбонну? – спросил Вайсберг.

– Мой родной отец был физиком, – посмотрел на него Виктор, – а я очень хотел быть похожим на отца.

– Думаю у Вас получилось! – усмехнулся Вайсберг.

– Сын обязан превзойти своего родителя, – так же усмехнувшись в ответ, сказал Виктор и посмотрел на Вайсберга, – иначе зачем отцу нужен сын..?

Глава 10

Земский врач, Фридрих Францевич Файст, был из тех людей, которые непонятно каким образом вообще оказывались в очень глухой провинции. Всегда аккуратный, даже чопорный, всегда в строгом костюме, поверх которого сейчас было накинуто серое пальто с чёрным меховым воротником, в шляпе-котелке и всегда с тросточкой, он сильно выделялся из общей толпы жителей Чугуева. Поверх его жилета сразу бросалась в глаза золотая цепочка дорогих часов. «Хронометр», – как их называл Фридрих Францевич, произнося это слово с едва-ли заметным грубым немецким акцентом.

Высокий, худой, с гордым взглядом и пышными усами, лихо закрученными и седыми, когда-то чёрными, глядя на всё вокруг сквозь пенсне, он всегда важно шёл путь от своего небогатого но чистенького домика на Харьковской улице, в новую Земскую Больницу.

Подойдя к ней, Фридрих Францевич остановился, окинул взглядом фасад дома, окна, словно он искал двери, и словно найдя эти двери, направился к ним.

Двери были окрашены в зелёный цвет. Фридрих Францевич взялся за ручку, потянул её на себя, потом снова закрыл, снова приоткрыл и так несколько раз, слушая скрип дверных петель. Немного постояв, он вошёл...

Фридрих Францевич был родом из Курляндии, хотя детство и юность, да и зрелые годы провёл в Баварии. Он уже не помнил как оказался в Чугуеве, но прекрасно помнил, что собиравшись все свои силы и возможности подарить жителям этого города, так сказать – облагодетельствовать сирых да убогих своим врачеванием. Но едва прибыв сюда, он очень скоро понял, что облагодетельствовать всех не сможет. Не потому что люди не хотели. Он был единственный врач на весь уезд, который вообще что-то мог делать из того, что хотел бы делать сам, а не из того что ему позволяли.

Метель на улице намела много снега. Фридрих Францевич только что снял с печурки горячий чайник, залил кипятком малиновое варенье и уже собирался было отведать сладкого напитка, как вдруг заметил в окно, что к нему направляется очень важный посетитель.

– Ужель Иван Алексеевич? – удивился Фридрих Францевич, поправив пенсне, – но напиток всё-таки решил выпить.

– Здравствуйте, Фридрих Францевич, – открылась дверь кабинета и к Фридриху Францевичу вошёл невысокий господин в тёплом тулупе, высокой шапке и валенках. Его лицо украшали такие же пышные усы как и у Фридриха Францевича, но смотрящие вниз, как было принято у местных малороссиян, и пышная седая борода.

– Проходите, Иван Алексеевич, – не вставая с места, продолжал пить свой отвар Фридрих Францевич, – не желаете ли отведать кипятку с малиной? – спросил Фридрих Францевич, оборачиваясь к посетителю.

Иван Алексеевич снял шапку, тулуп, повесил вещи на вешалку стоящую у дверей и пройдя к столу, сел напротив Фридриха Францевича, как обычный посетитель перед доктором.

– Заболели? – кивнул чуть улыбнувшись, Фридрих Францевич.

– Не спрашивайте, – вздохнул Иван Алексеевич, – ни здоровья, ни сил, ни... – подумал он, – ни желания быть градоначальником!

– Эх, батенька, – усмехнулся Фридрих Францевич, – в ваши годы не градоначальником быть, а внуков нянчить надо.

Иван Алексеевич Лубенцов уже давно правил этим городом. За это время, он уже много раз пожалел о том, что вообще согласился на авантюру предложенную ему когда-то, как почётному гражданину Чугуева. Город на глазах превращался в чужой и какой-то непонятный ему. И Лубенцов много раз хотел отказаться, и отказывался, от своей должности и намеревался

уехать, например, в Польшу, где поселиться со своей престарелой супругой на каком-нибудь хуторе и заняться, например, садоводством.

– Как только покойный Лизогубов мог это всё терпеть? – вздохнул Лубенцов, – сердце у меня ночью прихватило. Еле дошёл к Вам, милостивый государь. На гору знаете ли, тяжело подыматься. А экипажем своим не обзавёлся.

– Да по такой погоде и экипаж не поможет, – согласился Файст, – скидывайте рубаху, батенька, послушаем Вас...

Лубенцову было стыдно смотреть вокруг. Обшарпанные стены, с которых то и дело сыпалась краска. Кроме того, было слышно как в приёмном покое скрипят половицы, а старый истопник переговаривается о том да о сём с повитухой, денно и ночью дежурящей в клинике. Она же была и нянечкой пятерым больным детишкам, лежащим в палате напротив кабинета Фридриха Францевича.

Щели в окнах были аккуратно заклеены самим Файстом старыми газетами, чтобы не дуло.

Лубенцов слышал, как повитуха вежливо ругала его, заседателей, стараясь подбирать слова, а истопник журил её и приговаривал что-то, заступаясь за градоначальника.

Лубенцов вздохнул, а Файст в этот момент, закончил слушать его сердце.

– Не переживайте Вы так, Иван Алексеевич, – сказал Файст, – Вам надо меньше нервничать. Сердце у Вас нездоровое, поэтому настоятельно рекомендую пить капли валерианы. И тёплое молоко с мёдом. Но причин для волнения я не вижу.

– А я вижу, – одел рубаху и заправился за ширмой Лубенцов, – и даже слышу!

– Вы про Пелагею Матвеевну? – усмехнулся Файст, – или про Никифора Никаноровича? – он присел на своё место, за стол, – бросьте, милостивый государь, – посмотрел он на Лубенцова, – не думаю что было бы лучше, если бы мы продолжали принимать больных в лазарете по Харьковскому Тракту. У нас детки болящие. А там солдатики, а они разные бывают. И чахоточные, и чесоточные, и даже сифилисом хворают.

– Чем я могу помочь? – присел напротив и кивнул Файсту Лубенцов.

Файст посмотрел на Лубенцова.

– В нашей аптеке совершенно нет обезболивающих, – тихо проговорил он, – не могли бы Вы ходатайствовать от городской думы, чтобы военные пожертвовали горожанам хоть что-то? Вы же сами понимаете, что переломы, ушибы и больные зубы в мороз, это распространённое явление. А по весне так эпидемия часто случается.

– Понимаю, – кивнул Лубенцов, – я поговорю с Фиалковским.

– Только чтобы, – Файст приложил палец к губам.

– Понимаю, – кивнул Лубенцов.

Когда Лубенцов ушёл, Файст долго провожал его, глядя в окно. Встав, он собирался было позвать истопника, но в дверь снова постучали.

– Да? – спросил Файст, остановившись посреди кабинета.

– Можно? – в кабинет вошёл военный.

– Господин полковник? – удивился Файст.

Виктор закрыл за собой двери.

– Вот, решил навеститься, – сказал он, – да вижу, градоначальник у Вас. Решил не мешать.

– Проходите, присаживайтесь, – вернулся на место Файст, – на что жалуетесь? – улыбнулся он Виктору.

Виктор пододвинул стул и не снимая шинели присел рядом.

– На всё, – улыбнулся он, – намерен вернуться из Купянки и привёз Вам поклон от Кузьмы Демьяновича.

– О, как приятно! – обрадовался Файст, – и как там устроился господин Гречко?

– Врачует, возвращаться до Пасхи не намерен, но шлёт Вам поклон, – ответил Виктор.

Он подумал.

– В дороге начало ноги крутить, будто застудил, – сказал он, – что скажете?

Файст вздохнул.

– В сапогах, поди, ездили? Извозчиком? – посмотрел он на Виктора, качая головой.

– В сапогах, извозчиком, – кивнул Виктор в ответ.

– Вот как всегда, господин полковник! – поправил пенсне Файст, – если не хотите ходить с костылём, то прошу Вас соблюдать устав внутренней службы! Вашему чину не дозволено ездить на телегах, да ещё зимой! Для чего покойный градоначальник Лизогубов, поставил железнодорожную станцию в нашем городе?

Файст встал, подошёл к шкафу, взял с полки небольшой бутыл и вернувшись на место поставил на стол перед Виктором.

– Прошу Вас, господин полковник, – сказал он.

– Что это? – кивнул на бутыл Виктор.

– Настойка, на мяте и самогоне, – ответил Файст, – можем начать лечиться прямо тут путём принятия внутрь по тридцать грамм, пока не опустошим бутылёк. А можете забрать с собой, и недельку-другую растирать ноги, – он посмотрел на Виктора, – эффект будет тот же, уверяю Вас. Обмерзали ноги раньше?

– Было дело, – кивнул Виктор.

– Давно? – спросил Файст.

– В детстве, мне лет девять было, – ответил Виктор.

– Как обморозили? – кивнул ему Файст, – на морозе, в проруби?

– В воде, – посмотрел на него Виктор.

– И сколько пробыли в воде? – спросил Файст.

– Трудно сказать, – вздохнул Виктор, – около получаса.

– Зимой? – удивился Файст.

– Почти зимой, – ответил Виктор, – а разве это имеет значение?

– Имеет, – кивнул Файст, – дети в таком возрасте не могут прожить в ледяной воде и нескольких минут. Это чудо, что Вы обморозили только ноги.

– А... – подумал Виктор, – эта смерть, в ледяной воде, она...

– Вы хотите спросить о том, что человек переживает в такие минуты? – усмехнулся Файст.

– Да, – кивнул, опустив глаза Виктор.

– Не один, поди, тонули? Кто-то не смог спастись? – спросил Файст.

– Не смог, – вздохнул Виктор.

– И этот кто-то, был очень близок Вам, – вздохнул Файст.

Он посмотрел на стол, потом в окно, потом снова глянул на Виктора.

– Больно только в самом начале, – тихо ответил он Виктору, – потом становится всё безразлично, даже тепло. И человек начинает переживать галлюцинации. Такие, как будто бы он живёт свою жизнь, часто другую, иную, совсем не похожую на ту что была у него. Или даже, ему кажется что жизнь продолжается и никакой ледяной воды нет. И боли от холода не было и нет. Будто бы он дома, в тёплой постели. Или пьёт чай со своей семьёй. Или с кем-то мило беседует, например, о своих больных ногах, что-то вспоминая.

Виктор помолчал, глянул на Файста.

– Так может это я... умираю?

– Да ну бросьте, Виктор Иосифович, – улыбнулся Файст, – так долго никто не умирает. Только наш город! Но Вы ведь не за этим пришли, господин полковник?

– Да уж, не только за этим, – согласился Виктор и посмотрел на Файста, – скажите мне, любезный, как оказалось, что земская клиника, да ещё и детская, находится в этой... – он подумал.

– Лачуге? – усмехнулся Файст.

– Именно, в хибаре на базаре, – кивнул Виктор.

– А как? – печально улыбнулся Файст, посмотрев в сторону, – покойный Иван Лизогубов, предыдущий градоначальник, выделил нам под строительство новой больницы местечко в центре города, у городской думы, напротив полицейского участка. Мы тогда находились в военном лазарете. Уважаемый Кузьма Демьянович сжалился над больными детишками да приказал разместить нас в нескольких палатах, в своём госпитале. Ну, а сам добился в городской думе, чтобы город выкупил для нас землю возле Думской площади. Даже деньги вложил в это предприятие, сколько мог.

– А почему Вы тут, на Базарной, а не на Думской? – спросил Виктор.

– Ну бросьте, – рассмеялся Файст, – опекать строительство взялось наше дворянство, в лице купчихи Минаевой. И едва Лубенцов представился, а Кузьма Демьянович убыл в своё имение в Купянку, как оказалось, что земля принадлежит не городу, а Минаевой. И уже подарена, на законных основаниях, купчишке Зайцеву.

– И там сейчас красуется особняк купца Зайцева, – кивнул Виктор.

– Именно, стоимостью одна тысяча шестьсот рублей золотом, – улыбнулся Файст, посмотрев на Виктора, – ровно те деньги, которые Кузьма Демьянович выделил из личных средств, на строительство детской земской клиники.

– А суд? – спросил Виктор.

– Наш-то суд? – усмехнулся Файст, – он примет то решение, которое нужно Минаевой. Это Чугуев, понимаете?

– Понимаю, – кивнул Виктор, – а что Калашников?

– О, господин полковник, – покачал головой Виктор, – он спрашивал о том же что и Вы, даже ставил задачу своим филёрам и исправникам, чтобы те нашли хоть какую-то бумагу подписанную покойным Лизогубовым, что та земля наша. Ну хоть не бумагу, а двух человек готовых свидетельствовать в суде в нашу пользу. Но, люди запуганы, документы вдруг сгорели, а одного Гречко было ой как мало для свидетельствования в суде...

– Когда? – не понял Виктор, – когда они успели сгореть?

– Вот вы слышали о том, что в городском архиве вдруг случился пожар? – посмотрел сквозь пенсне на Виктора Файст.

– Впервые слышу, – покрутил головой Виктор.

– А он был, и госпожа Минаева его лично тушили, – кивнул Файст, – и спасли всё. Всё кроме документов, которые им невыгодны...

Глава 11

Солнце как раз взошло над заснеженными лугами, когда на опушке леса появился взвод солдат и два офицера. Среди солдат был один человек в штатском, в длинном пальто и меховой шапке, седой старик, как-то не вписывавшийся в общую толпу.

Солдаты постояли, посмотрели вокруг и зашли в лес.

– Всем собраться! – негромко крикнул полковник с чисто выбритым лицом.

Взвод построился. Человек в штатском и второй офицер, с погонами капитана, встали рядом с полковником.

– До Чугуева менее пяти вёрст, господа, – начал полковник, поправив португеею, – сейчас всем разбиться на небольшие группы и местом встречи назначаю съезжий двор около местного лазарета. Вы все местные. И все должны помнить, что в этом году его недавно начали называть «Кошкин Дом». И кто такая Маруся Кошка тоже все помнят.

В строю раздалась редкие смешки.

– Отставит смеяться! – приказал полковник, – у вас у всех, в карманах предписания «явиться в гарнизон по назначению». Если встретите военные патрули, или разъезды, не вздумайте вступать в перепалки. И, упаси вас Боже, в перестрелки! Вы все сейчас служите здесь. Некоторые просто живут здесь. Точнее, не вы, а другие вы, из этого времени. Поэтому, солдатам держаться своих унтер-офицеров и чётко выполнять приказы! Я следую вместе с оберфюрером... – Штейфон помолчал, – в настоящий момент – капитаном Ленбергом и профессором Подольским. Встречаемся после захода солнца в «Кошкином Доме». У вас пятнадцать минут чтобы опраться и покурить. По готовности, группы могут выдвигаться без предупреждения остальных. Хайль Гитлер! Разойдись!

– Хайль! – вскинули руки солдаты.

Профессор вздрогнул от выкрика.

– Не отходите от меня, профессор, – посмотрел на него Штейфон и дружески хлопнул старика по плечу...

Ближе к полудню, гусарский разъезд заметил бредущих вдоль берега реки Уды трёх военных с карабинами наперевес и погнал к ним коней.

– Стой! – окликнул унтер-офицер солдат и те остановились.

– Далеко путь держите, служивые? – оставил он коня.

Гусары окружили солдат, сдерживая коней.

– В гарнизон. У нас предписание из Харькова, явиться местному военному начальству, – протянул ефрейтор бумагу унтеру.

Унтер наклонился, взял бумагу, развернул её и бегло прочтя вернул ефрейтору.

– Удачи, – усмехнулся унтер, – за мной, гусары, – приказал он всадникам и те погнали коней дальше.

Солдаты, немного постояв, закурили и пошли следом.

– Господин унтер-офицер, – нагнал унтера один из гусар и тихо шепнул ему, – карабины-то немецкие? Сами понимаете, у нас секрет на секрете. Может следует доставить в штаб и там пусть разбираются?

– Вот чего тебе не сидится в седле? – выругался унтер и развернул коня обратно к солдатам.

– А ну-ка стой, хлопцы, – снова окружили гусары солдат и унтер вытащил саблю, – а чего это у вас оружие не уставное? Карабины сдать и следовать за нами, – приказал он солдатам.

– Господин унтер офицер, – растерялся ефрейтор, – да какие выдали, такие и носим! У нас даже бумаги на них имеются!

– А ну покаж эти бумаги? – кивнул недоверчиво унтер.

Ефрейтор полез в шинель за документами. В этот миг, воспользовавшись замешательством, один из солдат вскинул карабин.

– Господи, спас таки свою душу грешную! – выдохнул солдат и раздался выстрел.

Гусар, бывший ближе к унтеру, упал с коня, а солдат, вспыхнув ярким светом растворился в воздухе.

Кони испугались вспышки и понесли. Поднялся шум и крики.

– Это черти! Гони в полк, хлопцы! – закричал унтер-офицер и гусары помчали прочь, и без того несущихся галопом, перепугавшихся вспышки, коней...

– Кто стрелял! – закричал ефрейтор, но увидел, что рядом стоит лишь один из его бойцов, в недоумении глядя на то что осталось от второго. Там где стоял стрелявший, лежали только вещи и оружие.

– Куда он делся? – спросил ефрейтор.

– Он выстрелил и просто исчез, – ответил солдат.

– Я уже ничему не удивляюсь, – тихо сказал ефрейтор – заberi оружие, а шмотки забросаем снегом. И пошли к Марусе на хату. Замерзаю уже! Только больше никого не убивать без приказа! Видишь, что с этим? – кивнул он на валявшиеся под ногами вещи.

– А с этим что делать? – указал солдат на убитого гусара.

Ефрейтор подошёл к убитому, перевернул его на спину и отступил.

– Погляди-ка сюда, – подозвал он солдата.

Солдат подошёл и замер.

– Он себя самого застрелил, – сказал ефрейтор.

– Зачем? – спросил солдат.

– Душу он свою спас, перед Господом, – ответил и перекрестился ефрейтор, – не хотел он душегубам служить, понимаешь?

– Может это? – кивнул в сторону солдат, – Россия большая! До переворота ещё далеко! Успеем где-то затеряться в Сибири?

– Надо понять где этот чёртов радиомаяк, а потом успевать, – проворчал в ответ ефрейтор...

Едва не снеся на своём пути зазевавшихся караульных, с криком – «Сторонись!», – разъезд влетел в ворота полковой части.

– Ваше высокоблагородие! – закричал ещё со двора унтер-офицер, едва соскочил с коня. Он оставил коня перед входом, со всех ног бросившись в штаб.

Гусары остались на входе.

– Ваше высокоблагородие! – влетел унтер-офицер к командиру полка, – черти! Истинные черти!

Командир полка, полковник Максимовский, удивлённо глянул на унтер-офицера.

– Что с тобой, унтер? – кивнул он унтер-офицеру.

– Черти на Удах, солдатами переодетые! С ружьями! Стреляли по нам, вот святой истинный, ваше высокоблагородие! Нелюдь это! – перекрестился унтер, – полк подымать надо! Боевую тревогу трубить! Уйдут же демоны!

– Я тебе что, протоиерей, что ты тут мне о демонах рассказываешь? – ответил Максимовский.

– Убит наш гусар, Иван Ливенцов, чертями убит, – не унимался унтер, – ну хоть с разъездом поговорите, коли мне не верите!

Максимовский присел за стол и посмотрев в сторону, снова глянул на унтера.

– А вот с этого и надо было начинать, а не с чертей, – сказал Максимовский, – где убитый? – кивнул он унтер-офицеру.

– Там, на месте остался, – ответил унтер, – и конь его там же... забёг куда-то с перепугу.

– И оружие, – кивнул Максимовский.

– Так точно, ваше высокоблагородие, – ответил унтер, – не имели возможности забрать.

Они огонь по нам открыли...

– Кто? Кто они? – пристально посмотрел Максимовский на унтер-офицера.

– Ведомо кто, черти переодетые солдатами, – стоял на своём унтер.

Максимовский отвернулся и не-то прорычал, не-то проворчал в сторону, после чего глянул на унтера.

– Черти не стреляют, господин унтер-офицер, – сказал он, – чертям ружья ни к чему.

– Ну так это, – немного успокоил унтера взгляд Максимовского, – трое их было. Один прошептал что-то про душу в Бога и в Мать, и выстрелил в нашего Ливенцова. А сам тут же вспыхнул так ярко, как огонь, и пропал! Совсем пропал! Будто и не было его...

Максимовский помолчал глядя на унтера.

– К Марусе Кошке заглядывали перед разъездом? – проговорил мрачно он.

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – козырнул унтер, – даже стопки не нюхали, святой истинный!

Максимовский передёрнул лицом, глянул в сторону и вздохнул. Потом, немного помолчал.

– Давай сюда остальных, – приказал он унтеру.

– Есть, ваше высокоблагородие, – снова козырнул унтер и бросился во двор за гусарами.

– Этого мне ещё не хватало, – встал Максимовский и подошёл к окну.

В штаб направлялись четверо гусар...

Молча выслушав их рапорта, Максимовский понял, что произошло действительно нечто такое, что серьёзно напугало гусар. Он бросил на них взгляд и выдал из себя вопрос, больше похожий на ворчание.

– Ну и почему вы там бросили Ливенцова? – прорычал он.

– Они стрелять начали, ваше высокоблагородие! – ответил унтер.

– И сиять, синим пламенем! – наперебой начали перечислять гусары, – как ангела с неба спустились! Будто светопредставление! Аж ослепли мы! Да и кони перепугались!

– Да, кони, – кивнул унтер, – они и без нас дёрнули, что едва сдержали мы их. Понесло коней, ваше высокоблагородие!

– Чего кони перепугались? – кивнул Максимовский.

– Сияния, ваше высокоблагородие, – ответил унтер.

– А убийца, говоришь, в воздухе растворился? – с ухмылкой посмотрел Максимовский на унтера, но глянув на гусар, молча присел и помолчал.

– Ну... все сразу вы сойти с ума не могли, – подумал Максимовский и снова бросил взгляд на унтер-офицера, – берёшь двоих и отправляешься обратно на то место, где вы этих чертей в солдатских мундирах видели.

– Но... ваше высокоблагородие, там эскадрон нужен! – возразил унтер, – эти черти так нас всех перестреляют и снова исчезнут, и лови их как ветер в поле!

Максимовский строго глянул на него

– Прекратить пререкаться, – выдал из себя, – целым эскадроном я жертвовать не буду, пока всё не увижу сам. А тело охранять и ничего там не трогать до прибытия офицеров и священника. Вопросы есть?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – козырнул унтер, – разрешите сразу батюшку взять?

– Не трогать без дела батюшку. Выполнять приказ, – проворчал Максимовский и указал на одного из гусар.

– Это ты обратил внимание на то, что у них немецкие карабины?

– Так точно, ваше высокоблагородие! – ответил гусар.

– Вот теперь ты хватаешь коня и галопом мчишь в комендатуру, – приказал Максимовский гусару, – там сейчас полковник из Петербурга. Тащишь его правдами и неправдами туда, где всё это случилось. Он расследует какую-то похожую чертовщину в городе. Так и доложишь ему, что у нас в полку ещё один пропал. Немецкий шпион. Засиял и растворился. Только при этом ещё и убил одного из твоих товарищей...

Виктор только что проснулся и готовился к завтраку, когда вошёл дежурный офицер

– Господин полковник, – кивнул ему, заглянув в двери, офицер, – там гусар Вас спрашивает.

– Ну так давай сюда этого гусара? – ответил Виктор.

– Сию минуту, – закрыл дверь офицер.

Виктор выглянул в окно.

Прямо перед окном, топтался привязанный к столбу гусарский конь, громко фыркая и мотая головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.